

ВИКТОР
ПОПОВ

ЧЕЛ

Виктор Попов

Чел. Роман

«Издательские решения»

Попов В.

Чел. Роман / В. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850339-9

В ночь после теракта в одной из больниц города происходят странные события. Пациенты реанимации чудесным образом выздоравливают. На территории клиники посреди зимы наступает весна. Причина всего — таинственный пострадавший, состояние которого не поддается объяснению. Слухи об исцелениях будоражат город и привлекают к больнице многотысячную толпу. Разобраться в ситуации поручено следователю по особо важным делам Юлии Линер...

ISBN 978-5-44-850339-9

© Попов В.

© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Чел Роман

Виктор Попов

Посвящается Дарье

Редактор Ира Вильман

Дизайнер обложки Валентина Михайлова

© Виктор Попов, 2019

© Валентина Михайлова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-0339-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Верхние крылья белые, с кремово-желтой оторочкой по краю. На каждом по черному, неровному, как клякса, пятну. Нижние крылья желтые, в мелких серых точках. Обсыпаны ими как пеплом. Длинные булавовидные усики. Мохнатое брюшко. Похожа на белянку¹. Но великовата для обычной.

Это все, что Линер может сказать. Знания ее в этой сфере отрывочны. Все от отца. От его теперешних разговоров.

«Кто в этом суховатом пенсионере угадает генерала безопасности в отставке?» – иногда спрашивает она себя и тогда ей кажется, что бабочки не более чем маскировка, а окружающие просто чего-то не знают...

Жаль, что отца нет в городе. Некому определить по имаго² вид и рассказать подробности его метаморфоза. Некому и разъяснить, как живая бабочка появилась здесь, за окном, на четырнадцатом этаже высотки, в последнюю неделю декабря, в метель. Впрочем, она и так знает причину. Ночь без сна. Просмотр десятка камер – метро в час пик. Тысячи людей. Вестибюль, зал, вагоны... Каждая мелочь перед взрывом имеет значение. Увидеть и записать. Разбить на группы. Связать их между собой. Потом взрыв. Тела. Их фрагменты. В которые тоже приходится всматриваться. Не лучшее занятие для женщины на седьмом месяце. Эта чашка брекфеста пятая. С килограмм зеленых яблок. Оскомины, которую не сбила плитка горького шоколада. Гора огрызков на стеклянном столике, в тени ненаряженной новогодней елки. То еще питание для двойни. Поэтому никакой бабочки за окном нет. Творец бабочки – ее сознание, рассерженное недосыпом и этими двумя в животе. Они дерутся всю ночь и успокаиваются только к рассвету. То, что наблюдает раз за разом их мать, им явно не нравится. Они протестуют как могут. Они не знают, что такое присяга. Они не знают, что такое приказ. Они еще там, где этого нет и быть не может. Они по-своему свободны. А она нет. Ее жизнь сейчас – это звонок пятнадцатиминутной давности. Шеф говорит медленно, подчеркнуто с расстановкой, но никогда не повторяет дважды. Так всегда, когда он дает указания. Запоминать надо все и сразу. Тот, кто переспрашивает, – лузер. Такие не задерживаются. Она работает с самого выпуска, вот уже восемь лет:

¹ Белянки – семейство булавоусых бабочек.

² Имаго – взрослая стадия развития насекомого.

– Звонили с 91-й. Заведующая реанимацией. Белая – ее фамилия. У нее за ночь еще трое ушли в общий список. То есть на данный момент у нас восемнадцать «двухсотых». Но один, причем самый тяжелый, вроде как пришел в себя. Личность не установлена. И он в непонятном состоянии. Какой-то смартфон с ним, какие-то письма и другая ерунда. Врач не ясно говорила. Но очевидно – надо спешить. Счет на часы. А может, и минуты. Это первое. Второе. Замечено какое-то лишнее движение около больницы. По данным «наружки», что-то уж слишком много сторонних людей в окрестностях. Короче, надо съездить и разобраться. И с человеком этим, и с местностью. Извини, что дергаю, но больше никого нет. С тобой, в связи с обозначенным смартфоном, поедет человек из ЦИБа³. Так, на случай чего. Павел дал какого-то ботана. Поступает в твоё распоряжение на время следственных действий. За тобой приедут. Машина уже выехала. Собирайся. Доклад по итогу. Инфу по расшифровке записей с камер можешь передать сейчас. Коля добьет в общую сводку. Пока все. До связи.

Вот так вот. Все заняты. А Коля добьет. Может, оно и к лучшему. Проветриться. Вон как метет. Со вчерашнего обеда. И все пройдет. И бабочка пройдет. Но пока держится. Шевелит усиками. Как будто что-то говорит. Так ведь и сходят с ума. Сначала – видят. Потом слышат. Потом все вместе. И вот она – свобода. Положить на всех. Правда, таких «освободившихся» держат под замком.

– Завидуют... Вот один из таких – певец свободы. Его бы туда, под замок. Ан нет, вещает!

Новости выходного дня. Сбитнев, кто же еще... Прямое включение одного из его репортеров, как раз оттуда, из 91-й. Значит, там действительно что-то происходит. Бытие и картинка – одно и то же. Существует только то, что нам показывают.

Линер наблюдает схватившее бабочку мерцающим киселем отражение телика в окне. Сбитнев опрашивает репортера. В кадре располагается стоя. Завел моду. Может себе позволить. Плотно-спортивный. Залысины. Бычий подбородок. Но глаза интеллектуала. Кошачья улыбка. Зубы – нечеловечески-белый VIP. В кадре – центральный въезд в 91-ю. Ни бетонных блоков, ни ограждений. мечта подрывника. Выстроена до «эпохи вселенского террора». Как-то уж чересчур светло во дворе. И сколько родственников. Пепсы⁴ на входе. Дикая дивизия. Набор – рост не выше 170. Берут числом. ОМОНа нет. Спецтехники тоже.

– Да там ни черта не охраняется, – сокрушается Линер. – Конечно, все в Центральной...

Репортер исчезает с экрана. Сбитнев заполняет его целиком. И это он любит. Отчетливо выговаривает. Дикция – заметно по губам – идеальна. Линер помнит его голос. Вся страна помнит. Но звук, к счастью, убран с вечера. В нем нет смысла. Никто ничего не знает. Даже она, треть жизни копающаяся в этом дерьме. Но Сбитнев – знает. Работа у него такая. И ему верят. Кто хочет поверить. У него прямо-таки дар превращения любой информации в истину. Он и есть истина. И Пилат не остался бы без ответа. И только такие, как Линер, понимают – истины не существует. Она если и попадает на экран, то случайно, мельком. Да и тогда остается неизвестной, безымянной женщиной в строгом костюме, как бы невзначай проходящей мимо.

Линер отходит в глубину комнаты. Допивает на ходу чай. Оставляет чашку меж огрызков на столике. Свалка. Муж дуться будет. О елке и говорить нечего. Обещала нарядить. Да куда там... Катастрофа. Ладно. Вернется – уберет. Во всех смыслах. А пока дежурное СМС мужу с причинами и координатами. Он поймет. Сам военный. Должен понять. Ответ почти сразу. Без эмоций. Хорошо. Заберет вечером. И точное время в придачу. Эмоции будут. Но потом. С глазу на глаз.

Теперь же нужно ходить по комнате с ноутом в руках. Садиться нельзя: недолго выключиться. Наскоро закругляет файл. Коля добьет. Не о чем беспокоиться. Сам Коля ничего не может. А вот добить – пожалуйста. Есть еще на свете такие люди. Их большинство.

³ ЦИБ – Центр информационной безопасности.

⁴ Пепсы – в правоохранительной среде наименование сотрудников патрульно-постовой службы.

Бросает взгляд на окно. На месте. Как приклеена. Может, и так. Только не к стеклу, а к голове ее приклеена.

– Нет, какая напасть!

Ничего, выветрится. Закрывает ноут. Убирает в кейс. Пора заняться собой.

– Сколько по такой погоде ехать от главного здания?

Прикидывает по дороге в ванную.

– Полчаса.

Но если поедут на спецсигнале – а они поедут – половина от этого. Так что позвонить могут в любой момент. Душ не принять. Но умыться можно. Все-таки ночью не по полям скакала. Нечего отмывать. Слегка плещет на лицо воду. Правит макияж. Для конкурса красоты такой не подойдет. Даже на отборочный. Но там, куда ее повезут, конкурсов точно не ожидается.

– Интересно, а Павлик с Семенычем уже закончили в морге или так и копаются с вечера? Плюс три. Не, не успеть. Никак не успеть. Надо будет зайти, подбодрить...

Выйдя из ванной обнаруживает – звонили. Перезванивает.

– Товарищ майор, третий подъезд, да?

Голос незнаком.

– Да.

– Тогда на месте.

Нет. Не вспомнить. Может, и вспоминать нечего. Новенький.

– Спускаюсь.

Берет кейс. На окно не смотрит. Как бы то ни было, пора кончать этот бардак. Бессонная ночь, будущие дети – не поводы. Надо держать себя в руках. В лифте собирает волосы в узел. Здоровается с консьержкой. Она с тех времен. Мимо таких мышь не проскочит. И ведь не учили. Четыре класса. Талант. И возраст нипочем. Таких людей больше нет. И не надо.

Дорожка от подъезда густо припорошена снегом. Джамшуты⁵ стараются. Завалов нет. Но как тут успеть? Второй день сыплет крупными хлопьями. Черный немецкий микроавтобус. Дверь автомат. Нырять в салон. Здоровается не глядя. Водитель седой дядька – в шаге от пенсии. Дежурно кивает. Из салона отвечают, неожиданно по форме:

– Здравия желаю, товарищ майор.

Находит в углу обещанного ботана. Очки на минус шесть. Прыщи. Жопы шире плеч. Но худой. Весь набор.

– Как вас?

– Глеб Серафимов, товарищ майор.

Он смущен. Она ловит его взгляд на живот. Предупрежден: майор – женщина. Но беременная – как-то не увязывается с «важняком».

«Да, друг, бывает и такое», – думает Линер. Вслух спрашивает:

– С учебки?

– Три месяца.

– Пиджак⁶?

– Никак нет.

Ботан обижен.

– Как нет? С гражданской службы пришли к нам?

– Не совсем.

– Объясните.

Глеб ищет слова.

⁵ Джамшут – жаргонное наименование рабочего из Средней Азии.

⁶ Пиджак – среди военных презрительное наименование офицера, не получившего исходного военного образования.

– Я это... хакер... Был пойман... Ну, и...

– Перевербовали, что ли?

– Так точно.

– Кто с вами работал?

Ужас в глазах.

– Василий Сергеич.

– Вася? Лично? А вы, оказывается, тот еще фрукт, Глеб.

– Так точно, товарищ майор.

– Да бросьте вы «майоркать»... Что знаете о деле, в связи с которым вас ко мне прикрепили?

– Я поступаю в ваше распоряжение. Это как-то, видимо, с нашим отделом связано.

– Как-то, видимо... Очевидно. На какой срок?

– Ничего не сказано. Пока нужен буду.

– Ладно, господин бывший хакер, отдыхайте пока.

Линер откидывает сиденье, ложится и выпрямляет ноги. Есть время подремать. 91-я – ближайшая к теракту – не близко. Смотрит в окно. Бабочка. Та же. И пятна, и размер. Каким-то образом держится на стекле на полном ходу. Ничего себе проветрилась. Это уже переходит все границы. Линер отворачивается. С надеждой возвращается к окну. На месте. И усики так же о чем-то вопрошают.

– Бог мой, за что? – спрашивает Линер шепотом и закрывает глаза. Даже задремать не выходит. Ощущение, что за ней наблюдают. И кто? Чешуекрылое. Открывает глаза уже без надежды. Та же картина.

«А может... Нет, не может. Что этот очкарик подумает? „Важняк“ с животом, еще и крыша съехала. Если только сам ненароком посмотрит в окно и обратит внимание... Можно попробовать... Хакер, значит... Был по весне какой-то шум...»

Зовет не поворачиваясь:

– Глеб.

– Да, товарищ майор.

– Сядьте поближе. Чего вы там в углу прячетесь? Поговорим.

Указывает на место напротив. Думает:

«Не сможет не заметить. Не слепой же».

Ботан пересаживается. Смотрит услужливо. Как лакей.

«Нет, как все-таки Вася работает. Горы свернет. А с виду хмырь хмырем. Сокурсничек. Гений своего рода. Что он им всем говорит?» – недоумевает Линер и подвигается вплотную к окну. Бабочка чуть шевелит крыльями, будто удерживая равновесие. Глеб не меняется в лице. Не видит. Верно – нечего же видеть.

– Вы по какому делу шли?

Опять ужас. Линер ухмыляется про себя:

«Эх, Вася, Вася...»

– Я не имею права... Даже вам и...

Глеб косится на шофера. Линер искренне удивлена:

– О-о-о... Такой уровень доступа... Но светило-то сколько?

– От двенадцати.

Она прикидывает в уме статью. Точно в связи с мартовским делом. Сто миллионов евро ущерба и гостайны на два пожизненных. Парень не так прост, как кажется. Да, все они ботаны такие. Странно, что еще живой. Значит, очень был нужен.

– Вы простите, Глеб, я просто не часто сталкиваюсь с такими субъектами, как вы. Контрразведка – не мое. Терроризм – проще. В основном. Свои и чужие. Белое и черное. Хотя и у нас есть двойные... Нам...

Косится на окно. Глеб послушно смотрит в ту же точку. Никакой реакции. Она в последней надежде касается ледяного стекла пальцами. Обводит бабочку по контуру. Ноль эмоций у подчиненного.

– ...Работать с вами. Надо что-то знать о напарнике. Нельзя же ограничиться только именем и званием. Но раз у вас такая секретка... Ладно, давайте к делу тогда... Что по отделу прошло? Взрыв, судя по всему, дистанционный. Мобила?

– Да. Подтвердилось. Номера вычислили. Но они пусты как всегда. Анонимные симки. Всю ночь шерстили Сеть. Там есть зацепки. Пара аккаунтов. Очень близко. Но регистрация тоже с пустых номеров. Фото – левак. Возможно, и больше двух работало и...

– Вы лично что отработываете?

– Блоги. Откуда инфа, кто источник, как подает, оценки на экстремизм...

«С двух пожизненных на блоги?» – сомневается Линер. Мелковато. На испытательном еще. Готовят для больших дел. Нет полного доверия.

– ...Но по ним мало пока чего. То ли праздники, то ли тема избита. Из известных блогеров только Дале скинул видюху, но почти без коммента, мол, парень-смертник был знаком с...

– Смертник – девушка. Я отсматривала записи с камер. У меня сейчас все больше аналитика. Сами понимаете... Подрывники, возможно, были в метро. Но в час пик сложно вычислить. Трое на подозрении. Странные перемещения. И внешность характерная. Но ориентироваться приходится только на фотороботов, а они все на одно лицо... Мы сейчас едем на допрос. В 91-ю больницу. Там большая часть пострадавших. Мне пока непонятно, зачем там вы. Упомянулся какой-то смартфон...

– Допрос подозреваемого?

– Нет, какого подозреваемого? Пострадавшего. Был бы подозреваемый – он там бы не лежал. Хотя бывает и меняется все с ног на голову. Вы на выезде когда-нибудь были?

Обводит бабочку по контуру в обратную сторону. Те же солидарные, мелкие движения крыльями и усиками. Однако какой устойчивый бред.

– В первый раз.

– Хорошо... Запомните, любое действие – исключительно по моим указаниям. Никакой самостоятельности. Там могут быть люди из других ведомств. И гражданские – из мэрии, например, или еще откуда. Никаких своих контактов. Любое слово через меня.

– Так точно.

– Хм... Как вы быстро усвоили.

– Что усвоил, товарищ майор?

– Да весь этот военный этикет... В прежней жизни поди без чинов обходились?

– Нет, была своя иерархия.

– Да что вы говорите! И какой у вас там был чин или что там? Уровень?

– Гуру.

– Что? Гуру? Это генерал, что ли?

– Что-то вроде того.

Даже выпрямился от гордости.

«Бывший? Не бывает бывших», – вспоминает Линер банальное, но неоспоримое. Вслух:

– А сейчас вы кто? Прапорщик?

– Так точно.

– Ничего себе вас разжаловали.

Собирается обвести контур в третий раз и не выдерживает.

– Пересяду.

Кивает на водителя – он курит на ходу, окно приоткрыто. Линер размещается на противоположном сиденье. Не без удовольствия смотрит на пустое оконное стекло.

– Ну ничего – переживете. Выбор-то у вас был невелик. Я бы даже сказала – его не было. Но порой это хорошо, когда нет выбора. Меньше думаешь – больше делаешь...

Улыбается Линер и продолжает про себя:

«Там, в этих местах не столь отдаленных, работать ему все равно бы не дали. Неделя? Месяц? Год? Сколько бы он прожил? Несчастный случай. Отравление. Сердечный приступ. Неиссякаемый спектр вариантов. И никаких бумаг. Где ты, наивный «Викиликс»? А здесь – профи. Не гуру, конечно. Но со временем, кто знает, может, дорастет и до гуру. До генерал-гуру...

Линер ободряюще улыбается Глебу и отворачивается к окну. Но улыбка тут же сходит с ее лица.

«Нет. Хватит. Это уж слишком. Отпуск. С завтрашнего же дня. Отпуск. Муж прав. Так и до больнички недолго. Одной-то ладно. А с ними, избави Бог», – думает Линер и всматривается в прожилки на крыльях. Отец по ним бы многое сказал. А ей нечего. Главное – не провалиться в этот бред насовсем. Пока ведь, в сущности, все нормально. В чем проблема – понятно. Тут главное – не уходить в себя. Линер возвращается к Глебу как к спасательному кругу.

– Не спали ночь?

– Нет.

– Бывшему хакеру это, наверное, привычно? Ночная работа?

– Да. Трафик дешевле. Бывало и побольше суток, пока головоастом был.

– Кем?

– Ну, тем, кто за компом сутками. Не ест, не пьет. Если только в туалет выбегает. Да и это через раз.

– И долго вы на этом уровне задержались?

– Год.

– Как вышли?

– Просто встал и ушел. Щелкнуло что-то.

– И куда пошли?

Глеб впервые за все время улыбается.

– Чего вы лыбитесь?

– Так... В театр...

– В театр? Чего вдруг?

– Я же говорю, щелкнуло.

– Ну, ну и что?

Глеб мнетя, пряча глаза.

– Ну, что вы как красна девица? Договаривайте уж, раз начали.

– Заказал билет онлайн. Пришел. Сел. Думал, будет что-нибудь интересное. А там – балет...

Линер смеется, прикрывая лицо рукой. Вспоминает, как мама водила отца в Большой. Мидовская переводчица и оперная фанатка совершенно не замечала, что офицер безопасности сходил с ума от тоски уже на увертюре. Глеб смущается, но, уловив доброжелательный настрой, продолжает:

– Два часа. Ни слова. Этот, с палкой в яме, махал так, что, я думал, у него сейчас руки оторвутся. Взмок бедный, как будто десятку бежал. А на сцене... Два часа шарканья. О чем? Зачем?

– Так программка же есть. Почитали бы.

– Читал. Толку?

– Ну, не знаю... Ушли бы в антракте. Чего мучиться?

– Да я же говорю – все ждал: может, разговор какой начнется. Театр все-таки.

Линер представляет себе вдруг заговоривших на сцене балерин и смеется, прикрываясь уже обеими руками. Смех обрывает телефон. Шеф.

– Где ты сейчас?

Она всматривается сквозь дребезжащие крылья и усики.

– Подъезжаем. Съезд с кольца...

– Хорошо. Имей в виду, на объекте будешь старшей. С текущими вопросами пойдут к тебе. Ситуация там к массовым беспорядкам движется. И непонятно – с чего бы это. Народ собирается вокруг больницы и в окрестностях. И в самой 91-й черт знает что творится. Инфа какая есть – не инфа, а чушь какая-то. Даже говорить не хочу.

– Может, родственники?

Высказывать обоснованные предположения допускается. И даже приветствуется. Абсолютное и всегдашнее молчание – признак брезна. А это еще хуже, чем переспрашивать.

– Там сотен восемь уже, по самым скромным подсчетам. А пострадавших всего три десятка. Многовато для родственников. Короче, выясняй, с чего этот сыр-бор, и докладывай. Этот «воскресший» едва ли что-то дельное скажет. Как обычно: стоял, взрыв, не помню. А толпа сейчас ни в каком виде не нужна. Повторный взрыв сообразить в такой ситуации легко. Много выдумывать не надо. Организаторов теракта, возможно, не двое и не трое было в городе. А на месте сейчас пепсы и охрана больнички.

Наших раз, два и обчелся. «Маркеры»⁷ в толпе и те, кто в морге. «Тяжелые»⁸ наши – сама знаешь где. Да и не их это профиль. Я с Опалевым уже связался. Но пока он переведет своих с Центральной, надо выяснить, что происходит. Так что смещай акценты. Быстро допроси – и к обозначенной проблеме. Всё. Работай.

«„Смещай акценты“ – не успела еще и расставить», – сокрушается про себя Линер.

Как ни беги – шеф всегда на шаг впереди. Ученик отца. Любовь курсантки. И теперь при личной встрече в коленках все та же девичья слабость. Петя – муж – похож на него. И внешне. И одногодки. Почти. На год с копейками младше. И военный. И генерал. Только РВСН⁹. Нехитрый выбор. Лично они не знакомы. И хорошо. Достаточно всепонимающих усмешек отца.

– Какой вход? —

интересуется водитель.

– А где реанимация?

– Ну, можно с приемного. А можно со двора.

– Со двора.

На месте почти. А эта с пятнами все на стекле. Надо как-то переключиться. Сосредоточиться. Иначе не будет работы. Людей и правда что-то многовато. Навскидку около тысячи. Это уже не родственники.

Тогда кто?

По периметру больницы развернутые ТВ-станции. Вот и сбитневская группа. Все верно. Прямое включение через десять минут. Истину – в массы. Желательно, прямо с места ее временного обитания. На въезде кучка пепсов. Досмотра ноль. Чуть внутрь глянуть – и все, шлагбаум в вертикаль. Въезжают во двор.

«Что за свет вокруг?»

Бабочка не улетает, но словно растворяется в нем. Водитель давит на педаль. Въезжают на территорию.

– Ух, ты!

Чуть не бросает руль.

⁷ Маркеры – брошенные в толпу опера в гражданском.

⁸ Тяжелые – спецназ ФСБ или спецназ вообще.

⁹ РВСН – Ракетные войска стратегического назначения.

- Что? Остановите здесь.
- Здесь? Может, к корпусу? Чего здесь такое? А?
- Нет, здесь.

Глеб мечется по салону, вглядываясь в окна.

– Хватит вам метаться. Выходим.

Линер осторожно спускается с подножки.

«Почему так жарко?»

Напряженно смотрит под ноги. Делает три шага. Плитка. Чистая тротуарная плитка.

«Что это между плитками? Трава?»

Линер поднимает глаза и долго – вдруг перехватывает дыхание – осматривается. Потом крутится на месте.

Круг за кругом. Круг за кругом. Круг за кругом...

Меня зовут Даше. Я блогер. Обычно наблюдают за мной. Но случается и обратное. Сейчас я пристально смотрю на кружащуюся на месте женщину, пытаюсь вспомнить, где я до этого мог ее видеть. Гэбэшный автобус – весома примета. Что это с ней? Так потрясена очередным нецелевым расходованием бюджетных средств? Привыкнуть надо бы уже, милочка. Вспомнить сразу не получается. А вот группу Сбитнева и вспоминать не нужно. Мы видимся каждый день. Заочно. Но каждый день. Сбитнев – друг. Его работа – как пицца. На комментах к его новостям Даше сделал и делает себе имя. Суть комментов – разоблачение всегдашнего фейка. Сбитнев вряд ли находит наши отношения такими близкими. Всего один раз – около года назад – он брезгливо упомянул меня в своем выпуске, не произнося, впрочем, моего имени. И сделал это не конкуренции ради. Что вы? Кто ему может быть конкурентом?

Сбитнев вспоминает о Даше в связи с сезонной эпидемией гриппа. Мельком, как бы между делом, он сравнивает реальную болезнь с виртуальной. «Блогерство – вирус» – так он выражается. И добавляет после многозначительной паузы – на них он большой мастер – «...занесенный к нам мультикультурными ветрами, оправдывающими прилюдные вскрытия и карикатуры на пророков». И далее, уже без паузы, о действенности арбидола и проценте закрытых на карантин школ. Гений! Имя Даше не произносится. Так пасть для него это было бы слишком. Но тот, кто в теме, легко угадывает в сказанном намек на два моих нашумевших блога. В одном я трактую вскрытие усыпленного в зоопарке жирафа прямо на глазах у посетителей не как кровавый кошмар, бьющий по неокрепшей детской психике, но как акт просвещения, лекцию по анатомии, не более. Сбитнева, с его апокалиптическими, нравоучительными воплями, я отправляю в Средневековье. Слово «инквизиция» не произнесено. Но умело подразумевается. Комментарии доказывают мою правоту. Как и тысячи просмотров. Перевес и в лайках. Сбитнев бит. Пусть и на ограниченном Сетью поле.

С французскими карикатурами на пророка все сложнее. Бог – не жираф. Пророк – не слугитель зоопарка. От веры не отмахнуться так просто просвещенческой указкой. В ней слишком много личной боли. И даже я, с моим безальтернативным атеизмом, это понимаю. Но карикатура – и мой жанр. Я защищаю братьев по оружию что есть силы. И Сбитнев, того не желая, помогает. В своих репортажах он слишком много – как всегда – недопоказывает и недоговаривает. Мне есть за что зацепиться. Изображение показано не полностью. Текст переведен не точно. Автор живет не по тому адресу. Журнал не в том году открыт. И прочее, и прочее... Все к одному. Оппонент лжет в аргументах. А значит, лжет и по сути. Вера уходит на второй план. Пророк и вовсе в какой-то момент забывается. Обсуждаются аксессуары. Борода пророка – лишь повод для насмешек стилистов. Его женщины – как, у пророка есть женщины? – повод для обвинения. Так побеждает непоколебимое человеческое право на высказывание. Начало, Слово, Бог – игнорируются. Человеческое. Сугубо человеческое...

Итоги. Просмотров вдвое больше. Лайков в треть. С десяток угроз с разных концов света напрягают не сильно. Их авторы, судя по аккаунтам, живут не близко и не перейдут от слов к делу. Я торжествую.

Эти воспоминания греют меня и сейчас. Многообещающее утро. Такого не припомнить. Впервые что-то, достойное команды Сбитнева, происходит непосредственно под моими окнами. Впервые мы сходимся так близко. Никогда прежде наша виртуальная схватка не питалась единой средой, не дышала буквально одним и тем же воздухом. Правда, что происходит – уяснить сложно. Ясно, что это как-то связано с произошедшим вчера. Подробности туманны. Впрочем, мой друг сам о них и расскажет. Останется приправить их сегодняшней удачей – парой-тройкой селфи на фоне событий. Невиданная ранее достоверность. Наследство дает свои плоды. Двухкомнатная студия с лоджией, оставленная мамой по отъезду в края чистые и свободные – и я там буду, смотрит окнами как раз на южный вход в больницу. Всегдашний минус – «не во двор» – в кои-то веки обернулся плюсом. Хоть интервьюируй прохожих. Второй этаж позволит. А их что-то много. Да и не проходят они, прохожие, а чего-то ждут. Кучкуются. Много стариков и женщин с детьми. Семьи пострадавших? Не много ли человек для семей? Да и пустили бы внутрь родственников. Не лето. Тогда – кто? Что за массовое мероприятие? Среди детей много инвалидов. Есть и колясочники. И старики. В основном не одни – их сопровождают. Кого-то просто под руки держат. Чего они все здесь трутся? Так себе курортно-парковая зона. Другая загадка – больничный двор, в котором не находит себе места эта дамочка. Я наконец вспоминаю ее. Месяц назад. Или чуть больше. Она сидит прямо за замом руководителя НАК¹⁰ на каком-то межведомственном совещании. Репортаж на полминуты. Дежурные фразы. Протокольная съемка. В кадр она попадает случайно. Не того полета птица. Простой «следак». Может, даже и «важняк», раз пустили к министру. Но не больше. Моя память на лица – притча во языцех. Работа такая. Торгуешь своим лицом, да еще говорящим – помни чужие...

Она удивлена. Похоже, судя по числу кругов на месте, у нее нет объяснений увиденному. Спешит все заснять. У меня, конечно, есть версии. Но подробности и мне непонятны. Надо дождаться Сбитнева. Десять минут. Его люди ближе – внизу, на земле. Соединить в комменты свои и их впечатления. Выстроить что-то третье, отрицая первое. А так, отсюда, с балкона, все сложно. Источник света еще, допустим, можно предположить. Киношные фонари и ночь днем сделают. Но вот зачем? Да и как это объясняет прочее? Не кино же в самом деле? Откуда и в таком количестве все остальное? И главное – куда деть эти минус десять и снег за окном? Здесь никакое кино не поможет.

Размышления мои обрывает смех кукабарры¹¹. Знакомый голос. Крик этой птицы – позывной Дана в Сети. Я спешу к рабочему ноуту. С удивлением обнаруживаю, что тот выключен. Ну да – молчит... Кто бы его включил? В квартире никого кроме... Тогда откуда крик? Оттуда? С больничного двора?

Я возвращаюсь на лоджию и наблюдаю, как смех кукабарры захватывает мало-помалу всех присутствующих за окном. Смеются все. Мамочки с детьми, старики и те, кто с ними, патрульно-постовые, «телики», охранники на входе и даже та гэбэшная дамочка во дворе и ботан, ее сопровождающий. Все просто ухохатываются. Хватаются за животики, смеются до слез...

Всеобщая, объединяющая истерика длится минуту, пока кукабарра так же неожиданно, как и вступила, не умолкает. И в тот же миг, как по команде, прекращают смеяться и люди. Еще минуту они смущенно косятся друг на друга, не понимая, что такое с ними произошло. Этой минуты мне хватает, чтобы понять: не смеялся только я. Смех кукабарры – это моя заставка в блоге. Мой символ в Сети. Может, поэтому меня и не захватило это всеобщее безумие?

¹⁰ НАК – Национальный антитеррористический комитет.

¹¹ Кукабарра – птица семейства зимородковых. Крик кукабарры похож на неистовый человеческий хохот.

Нахожу в толпе сбитневского шакала, Терентьева, который выбирает точку для прямого включения. Прямо напротив входа в больницу. Прямо напротив Dape. Вдали за спиной Терентьева беременная женщина-следователь идет в сторону реанимационного отделения. Останавливается, снимает пальто, явно ругает сопровождающего – и они скрываются в корпусе. Нехитрый вывод: следствие, похоже, началось...

Лишь на пятом круге к Линер приходит осознание: все, что она сейчас видит, не сон, а реальность. Она останавливается. Глядя под ноги, переживает легкое головокружение. Поднимает глаза и, двигаясь по тому же кругу, осматривается – медленно, с расстановкой. Исследует двор как место преступления. Ничего не ускользает от ее профессионального взгляда.

Итак, южный вход-въезд в больницу. Асфальт усеян пробившимися сквозь него мелкими белыми и фиолетовыми тюльпанами. Они растут в промежутках между плитками на тротуаре. Никаких следов снега или наледи. Огромные, двадцать-тридцать сантиметров, переливающиеся зеленым, бурым и черным бабочки-орнитоптеры¹² наполняют пространство от земли до второго этажа. Парят медленно, лениво. Под стать своим – в две ладони, не меньше – размерам. Порой садятся на живую изгородь по обеим сторонам от въезда на территорию и теряются в ней. Окна облеплены другими, оранжево-черными. Странствующие монархи¹³. Сидят неподвижно. Издалека напоминают причудливый ковер. Подоконники и карнизы от второго до четвертого этажа забиты мелкими птицами. В основном попугаи. Зеленые, желтые, красные. Вкраплениями сойки. С десятков иволг. И еще какие-то цветастые, очень яркие, ей неизвестные. На крыше аисты щелкают клювами. Фасад здания покрыт травой и тюльпанами. Цветы растут параллельно земле. Стебли каким-то чудом не гнутся.

Западная сторона. Проезд и тротуар – в том же состоянии. Тюльпаны. Сплошным ковром. Преобладают красные, похожие на лилии. Группками в четыре-пять штук вкрапления фиолетовых, почти черных. Фасад также контролируют монархи. Летают в основном морфо¹⁴. Мелькают перед глазами голубые искры. Изредка садятся, расправив крылья. Живая изгородь от этого местами не зеленая, а синяя. Как и вертолетная площадка. Морфо накрывают ее ровно – круг в круг. По птицам различия минимальны. Разве что крышу занимают не обычные аисты, а стерхи. Растительность по фасаду не так активна. Цветов мало. Просто зелень и мох огромными шапками, которые переходят на кованую ограду и густо оплетают ее на всем протяжении. Живая изгородь вдоль ограды переменчива. Разнообразие бабочек максимально. Сразу опознаны: крапивницы, махаоны, репейницы, адмиралы, павлиний глаз¹⁵. Масса других. Деревья – продолжение живой изгороди. Пять берез. Клен. Пять голубых елей. Деревья едва различимы – сплошь в монархах. В целом плотность чешуекрылых в воздухе чрезвычайно высока. Птиц заметно меньше. На деревьях отсутствуют. Занимают ограду. Соколиные и совы. От крупных до мелких. Сидят плотно. Без заметных промежутков. Размерами выделяются филины. Выглядят как руководители групп. В траве у забора замечены фазаны, куропатки, перепела. Ходят свободно. Никакой агрессии со стороны сидящих на заборе хищников.

Северная сторона. От изгороди до ворот – хозпостройки. Заняты мелкими совками¹⁶. Единственное место, где не наблюдаются монархи. В промежутках между постройками и проездом красавки, белые и красные ибисы и, похоже, марабу. На крышах сипухи¹⁷. Старый вяз

¹² Орнитоптеры – бабочки семейства парусников.

¹³ Странствующие монархи – бабочки семейства нимфалид.

¹⁴ Морфо – бабочки семейства нимфалид.

¹⁵ Крапивница – бабочка семейства нимфалид. Махаон – бабочка из семейства парусников. Репейница – бабочка из семейства нимфалид. Адмирал – бабочка из семейства нимфалид. Павлиний глаз – бабочка из семейства нимфалид.

¹⁶ Совки – бабочки семейства совок.

¹⁷ Красавки – мелкие журавли. Ибис – птица из семейства ибисовых. Марабу – птицы из семейства аистовых. Сипухи – вид сов.

в углу занят вперемешку снегирями и какими-то другими ярко-красными птичками. Они усыпали дерево как бесчисленные красные плоды. На столбах ворот кречеты¹⁸. Ворота захвачены крупными, в пару ладоней совками. Похожи на агриппин¹⁹. Фасады реанимационного и приемного отделений усыпаны тюльпанами. Крупных скоплений по одному цвету не наблюдается. Впечатление лоскутного одеяла. Бабочки занимают окна. Опять же без отчетливых видовых скоплений. Птицы концентрируются на подоконниках и крышах. На реанимационном отделении преобладают соловьи, варакушки²⁰, малиновки, сверчки, канарейки. На приемном десятки неопознанных светло-серых птиц с голубыми крыльями. Много скворцов. Они единственные, которые активно перемещаются. На крыше реанимации – утки. Преимущественно огари и мандаринки.

Восточная сторона. Фасад и березовая аллея оккупированы монархами. Меж деревьев метелью кружатся белянки. Есть ли среди них утренняя – понять сложно. Бабочек слишком много. Тюльпаны группами разбросаны по фасаду. Преимущественно белые и желтые. Бахромчатые. На крыше попугаи: красные ара, какаду инка, на углу, к югу группа жако. В высокой траве сквера в каких-то десяти шагах от Линер парами дефилируют страусы, эму, фламинго...

Обойдя двор один раз, она решает сделать еще один круг и снимает все, что видит метр за метром. Фото. Потом видео. Только после этого немного успокаивается. Пытается окончательно собраться с мыслями:

«Отследила, что могла. Что знаю. Знаю со школы. Из жизни. Из разговоров с отцом. На даче, оказывается, не зря листала его альбомы. Орнитоптеры. Совки. Монархи. Теперь нужен анализ и тогда...»

Истерический, нечеловеческий смех незнакомой Линер голубокрылой птицы сводит на нет обозначившийся деловой настрой. Линер вслед за всеми хохочет не в силах контролировать смех. Невиданная эйфория охватывает ее. В какой-то момент ей кажется, что пространство, отделяющее ее от прочих людей, исчезает. И все вместе они становятся единым всепоглощающим смехом, колеблющимся в радости воздухом, лишенным какой-либо телесной оболочки. Но птица умолкает так же резко, как и начала. И тут же толчками в животе напоминают о себе еще не пришедшие в мир. Линер считает удары. Три. Значительно меньше обычного. И удары какие-то странные. Будто восторженные. Вроде «ура»! Троекратного. Будто вторят всеобщей радости. Им здесь явно нравится. Это и понятно – лето, птички-цветочки, тепло, светло...

«Вот еще беда – откуда свет?»

Пятые сутки солнце не выходит из-за низких облаков. Снег идет почти непрерывно. А здесь свет. Яркий свет. Заполняющий все. Но без какого-либо явного источника. Он откуда-то сверху, но не различим отчетливо. Слепит глаза. Она спешит закрыть их. Поворачивается в ту сторону, где, по ее ощущениям, должен находиться Глеб. Открывает глаза. Верно. Он так и не сдвинулся с места.

«Послушный».

Линер дожидается, пока пройдут блики перед глазами и перекидывает пальто через руку. Коротко приказывает:

– Идемте.

В двух шагах от реанимации Глеб спрашивает в спину:

– Товарищ майор, почему они молчат?

Переспрашивает на ходу, не оборачиваясь:

– Кто?

¹⁸ Кречет – хищная птица семейства соколиных.

¹⁹ Тизания агриппина – бабочка из семейства совков.

²⁰ Варакушки – певчая птица семейства дроздовых.

– Птицы. Они молчат. Так не бывает.

Останавливается на первой ступеньке. В который раз осматривается. Действительно не бывает. В больничном дворе стоит прямо звенящая тишина. Города не слышно. Между ним и двором больницы словно какая-то невидимая стена. Линер чувствует, как постепенно вскипает. От бессилия. От чего же еще.

– То есть то, что птицы молчат, вас удивляет. А то, что они вообще здесь? Всё это здесь? Нет? Не удивляет? И потом, что значит «молчат»? Одна, вон та, кажется, с синими крыльями, подняла тут всех на смех. Никто не сдержался. Что это было? А? Что за всеобщий смех без причины? Что? А?

– Не могу знать, товарищ майор.

– Так молчите и не задавайте глупых вопросов.

– Слушаюсь.

Вход охраняют двое. Еще мельче тех, что на въезде. Не выше 165 сантиметров. Отдельный «элитный набор». Линер сует под нос удостоверение и, не дожидаясь реакции, входит в отделение. В фойе у входа толпа больных. Квеляя, в редких игрушках, елка в углу. Снежинки на окнах, невидимые теперь с улицы. Глядя на одинокого сонного охранника отделения, Линер вспоминает, что забыла дать нагоняй пепсам на входе. Поздно возвращаться. А здесь и устраивать его некому. Милый, с животиком дядечка, клюющий носом на стуле. Еще расплатится чего доброго. Здоровается и спрашивает, как можно спокойнее:

– Доброе утро. Где заведующая отделением?

Предупреждая вопросы сует и охраннику под нос удостоверение. Тот вскакивает со стула, едва взглянув. Каждый раз Линер удивляет реакция людей из других правоохранительных структур на ее ведомство. Гражданские как-то спокойнее реагируют. Порой не без некоторой иронии. Опричники, мол. Ну это, разумеется, те, кто не на должностях.

– Туда. Прямо и направо. По коридору до конца. У себя.

Она кивает удовлетворенно и не глядя указывает за спину:

– Он со мной.

– Только, товарищ майор...

– Что?

– Открыть надо. Двери на ключе...

– Так открывайте.

Идет вслед за припрыгивающим охранником. И эта услужливая походка у всех одинаковая. Как нашкодившие собачки. Даже если все правильно делают.

Отмечает, что в фойе полно больных. И они явно не из реанимации. Ходячие. Тут таких не держат.

– Чего они все тут трутся?

– Да кто ж их знает? Больные – одно слово...

Копается с ключами. Руки не трясутся, но и не спокойны.

– Они же не из этого отделения?

– Да кто их знает, откуда они. Больница одна... Все свои... Вот, пожалуйста... По коридору и направо. Последний кабинет. Она ночевала здесь.

Входят в подозрительно пустой коридор. На десятом шаге двойня напоминает о себе. Легко. Без акцента. Линер на ходу, подстраховываясь, касается стены и успевает отметить цифру три на двери палаты. За спиной щелкает замок. Линер оборачивается. Спрашивает Глеба:

– Он нас закрыл, что ли?

– Так точно.

– Зачем?

– Может, другой охраны нет? Наверное, от тех, кто в фойе... – осторожно предполагает Глеб и нарываясь на отповедь Линер:

– Они в реанимацию рвутся? Шутить, изволите?

– Никак нет, товарищ майор.

Линер качает головой. Странности одна за другой. Множатся на каждом шагу. Ну, сейчас, эта... как ее... Белая все расскажет. Хотя бы что-то прояснится. Ночевала. Спит еще, верно. Не разбудить бы. Стучит в дверь. Мельком читает табличку. Маргарита Анатольевна. Ответ без паузы:

– Да, входите.

За столом над папкой с бумагами женщина около сорока. Сурово красивая. Но уставшая. И сегодня. И вообще. Но держит себя в руках. Прическа идеальна – ни одного сбившегося локона. Выглаженный халат цвета морской волны без намека на пятнышко. И кабинет такой же: выглаженно-вычищенный. На окне фотография в празднично-елочном обрамлении. Три девочки. Муж ровесник. Тоже по виду правильный.

«Династия поди», – думает Линер и представляется:

– Линер Юлия Вадимовна. Старший следователь по особо важным делам. Вы звонили по поводу одного из пострадавших. Ну, и в целом из-за обстановки в больнице и окрестностях...

– Белая Маргарита Анатольевна. Заведующая отделением.

Встает. Ни капли подбострастия. Еще бы. Такое отделение. Каждый – ее возможный пациент. И тогда она – Бог. А ты – кусок истекающего кровью мяса.

– Да, так вот теперь у нас. Успели заметить?

– Не заметить сложно. Сплошные недоразумения...

– Двор – это еще не самое удивительное... Сюда пальто можете повесить. И вы тоже...

Вот, пожалуйста, халаты... Можно просто накинуть...

– Это Глеб – сотрудник центра информационной безопасности. Речь же шла о каком-то смартфоне?

– Да, верно. С него-то все и началось. И продолжается...

– А что такое?

– Увидите всё в палате. Я думаю, сначала нужно по корпусу пройтись и подняться на этаж выше. А потом уже и в палату.

– А почему не сразу в палату? Зачем нам весь корпус?

– Не весь. Только этаж над нами. Дальше уже не так заметно... Вы должны увидеть, что там происходит... Чтобы понять...

«Чего она мнется? Что за недоговорки? Что понять?» – сыплет про себя вопросы Линер. Вслух:

– Скажите, почему охрана закрывает двери в отделение?

– А это, чтобы больные из других отделений к нам не проникли.

Линер невольно бросает взгляд на Глеба. Тот подчеркнуто смотрит в пол.

– А они так сюда рвутся?

– Представьте себе. Живая очередь. Может, уже и списки есть... Не удивлюсь.

Забирает папку со стола.

– Ну, идемте, идемте...

Пропускает гостей вперед. Выходит следом. Закрывает кабинет на ключ. Коридор по-прежнему пуст. Но теперь Линер есть кого спросить:

– Скажите, а почему у вас здесь так пусто? Где врачи, там, медсестры?

– А нет надобности. Отдыхают. Нет больных – нет персонала.

– Как нет больных? А...

– Ну, кроме нашего единственного... подопечного – назовем его так.

- А остальные?
 - Выздоровели. А новых с ночи не поступало еще.
 - Что – все сразу? Встали и пошли?
 - Вы очень точно описываете ситуацию. Именно так – встали и пошли.
 - Объясните.
 - Не спешите. Все по порядку... Подопечный, кстати, здесь.
- Указывает Белая, проходя мимо палаты №3.
- Но давайте все-таки сделаем так, как я говорю.
 - Хорошо, хорошо. Вы хозяйка. Ведите.

Разводит руками Линер. Тут же – три удара. Как недавно. Но более выраженные. Наивысший восторг. Останавливается. Кладет ладонь на живот. Другой рукой невольно опирается о стену. Нервным жестом отстраняет попытавшегося помочь Глеба. Белая спрашивает с легкой улыбкой:

- Дерутся? Семь?
- Без недели, – отвечает Линер, удивляясь про себя:
«Черт, как она так точно определила?»
- Дома бы вам сидеть. А не по таким делам ходить.
- Я вас умоляю. Не будьте и вы моим мужем.
- Мужчины иногда бывают правы.
- Иногда? А женщины?
- Никогда. Готовы? Можем идти?

– Да, пожалуй. Странная у вас гендерная философия.

– Никакой философии. Жизненный опыт, – с заметной горчинкой в голосе отвечает Белая и открывает дверь. Снова пропускает гостей вперед. Закрывает дверь на замок.

В фойе включили телевизор. Судя по заинтересованному взгляду охранника, телик – его рук дело. Вероятнее всего, чтобы не заснуть. На экране сбитневский корреспондент у южного входа. Понятно. Новости выходного дня. С утра и до вечера. Добился-таки своего – его выпуски формируют сетку вещания:

– ...Налицо природная аномалия. Она пока не имеет хотя бы приблизительного объяснения. Комментариев от официальных лиц не поступало. Представители мэрии на территории не замечены. Известно, что с вечера в больнице работают сотрудники антитеррористического комитета. Но вряд ли вопросы окружающей среды – в их компетенции...

«Это точно, – соглашается про себя Линер. – Тут и без того с ума бы не сойти».

– ...Сейчас мы связываемся с экспертами и надеемся – ко времени следующего прямого включения они как-то прояснят нам ситуацию...

Сбитнев перебивает:

- А что говорят простые люди? Почему они там находятся?

Толпящиеся в фойе, завидев Белую, жмутся к стенам. Кто-то даже спешит укрыться в соседних коридорах. Белая оставляет без внимания их хлипкие потуги остаться незамеченными. Поднимается по лестнице на второй этаж. Линер идет следом, попутно прислушиваясь к ответу спецкора:

– Сергей, мы только начинаем их опрашивать и пока все очень туманно. Пару человек так и ответили: «Не знаем». Другие упоминают какие-то исцеления, происходящие в больнице. Но дальше общих фраз разговор не заходит. Среди присутствующих много инвалидов, особенно детей и стариков. Прочие – это в основном те, кто их сопровождает. Но повторяю: ни те, ни другие ничего конкретного сказать не могут...

«И хорошо, что не могут. Шума меньше», – думает Линер.

Лестница занята больными. Места для прохода практически нет, протиснуться можно только по одному. В коридоре на втором этаже – та же картина.

Линер недоумевает:

– Что здесь такое? Это все ваши?

Белая отвечает на ходу, чуть обернувшись:

– Ни одного. Да это уже и не мое отделение. Мой первый этаж.

– Но что они здесь делают?

– Процедуры.

– Почему все сразу? Есть же какой-то график?

– Есть. Но это иные процедуры... Нам сюда... Ну-ка, дайте пройти!

Повышает голос Белая. Ее пропускают, но уже не без некоторого ропота.

– Эта палата прямо над той, где лежит он, наш с вами подопечный...

– И что?

– Смотрите.

Белая не без труда открывает дверь, Линер протискивается к ней и застывает в изумлении.

Кровати отодвинуты к стенам. Палата забита больными. Они лежат на полу вплотную друг к другу. Заметно старясь прижаться к полу всем телом. Линер приходит в себя и выдавливает по словам:

– Это... что... такое?

– Процедуры.

– Говорите яснее.

– Они все считают, что чем ближе они будут к той палате снизу. Правильнее сказать, к тому человеку, ну, нашему подопечному, который там находится. Тем быстрее они вылечатся.

– Это шутка какая-то?

– Если бы... Смотрите... Это наш, из ожогового, но теперь, кажется уже бывший...

Белая указывает на поднимающегося больного. По пояс голый мужчина, лежавший животом на полу, садится. Улыбаясь, ощупывает мохнатую грудь и живот руками. Слышно, как шепчет:

– Твою мать... И волосы...

Кричит:

– Саня! Прошло все! Саня!

Пошатываясь встает. Прочие косятся на излечившегося, желая занять его место и с нетерпением ждут, когда он наконец уйдет. Так и есть. Едва мужчина делает первый шаг к двери, как на его место тут же переползает рядом лежавший больной. Слышен взволнованный шепоток:

– Там, там самое место!

Белая останавливает вставшего.

– Извините, ваш диагноз.

– А, доктор... Ожоги. 80% спереди. Вот, видите, как и не было ничего...

– Как вы сюда дошли? Вы же лежачий.

– Санек-племянник донес... Саня! Саня! Доктор я пойду? А? Саня, – кричит больной, протискиваясь в коридор, вызывая там среди ожидающих заметное оживление.

Линер качает головой:

– Ну, знаете...

Она выходит в коридор, пробирается на лестничную площадку и дожидается Белую. Едва та вслед за Глебом появляется, Линер безапелляционно заявляет:

– Послушайте, это... знахарство надо прикрывать!

Белая пожимает плечами.

– Я могу перекрыть первый этаж. Что собственно и было сделано. Там операционные и палаты интенсивной терапии. Но другие этажи нет. Мы не в праве. Больница должна работать.

– Где главврач?

– В отпуске.

– Зам?

– Болен. Грипп. С осложнениями. Но главврач сегодня будет. В связи со вчерашним ее вызвали. К обеду обещалась... И потом... Вот вы говорите, прикрыть... Вопрос: чем мы здесь занимаемся? Лечим – так ведь?

– Так. И что?

– А то, что с утра пять из шести моих коек свободны. За исключением того самого, из-за которого все... По всей больнице, я навела справки, за тот же период выздоровело – по разным отделениям данные примерно одинаковы – 32%. То есть почти треть. Часть больных – безнадежные и хронические. И не одного умершего после полуночи.

– Маргарита Анатольевна, да ради Бога. Лечите хоть молебнами и святой водой. Мне важны порядок и безопасность. А их здесь – в корпусе и вообще в больнице – нет. И потом – с чего вы взяли, что именно больной с третьей палаты и есть причина этих... исцелений, что ли? Есть ли какие-то еще доказательства, кроме чисто пространственных: «ближе—дальше»?

– Есть. Пойдемте к нему.

– Пойдемте. Но как хотите, а людей с этажа нужно убраться...

Белая не отвечает и, осторожно пробираясь меж больных, спускается вниз.

В фойе в толпе явно прибыло. Но телик выключен. Указание Белой. Доносящаяся из телевизора реклама какого-то успокоительного средства обрывается для Линер на середине лестницы.

Белая ждет у двери в свое отделение. Пропускает Линер и Глеба вперед и закрывает дверь, щелкая замком.

Линер замирает напротив третьей палаты. Конечно, можно войти не дожидаясь Белой, но что-то ее останавливает.

«Что там? Кто там?»

Линер чувствует необъяснимое волнение.

«Отчего? Обычная палата. Обычный пострадавший. Зачем истерить? Будут объяснения всему этому... Рано или поздно будут. А пока...»

Три дежурных удара заставляют Линер опереться о стену. Не покидает ощущение, что эти двое там действительно чему-то рады. Так и видится, как они пляшут в восторге. Будто она, наконец-то вняв их просьбам, идет туда, куда они давным-давно хотели. Прямо, иди, мама, туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. И будет тебе счастье. Белая открывает палату и жестом приглашает войти.

– Он у окна. Прямо.

Линер отталкивается от стены.

«Ловите, детки, сказочку...»

Восторг. Восторг. Восторг.

Я еще раз отсматриваю последнее включение Сбитнева. Мало зацепок. Почти нет инфы. Он ни черта не знает. Выход в эфир – потому что надо. Знакомая ситуация. Мне тоже что-то надо постить. Нельзя же просто молчать. Одной ночной видюхи мало. Сейчас нужна заявка на день. Но не более. Там будет материал. Сбитнев не разочарует. Он не из тех. Он не меняется. Он уже отличился. Я настраиваю камеру. Меняю майку. На эту. Похуже. Ветхость начала века. Рисунок порядком затерся. И хорошо. Лишний повод для коммента. А они сейчас нужны. Они всегда нужны. Где ты, милая? Врубаю кукабарру. Так привык, что без нее уже не могу говорить. Условный рефлекс. Такая вот двуногая собака Павлова.

Дане приветствует! С утра нарисовалась тема. Отсыл к вчерашней печали. Для многих наших СМИ, впрочем, она и не печаль вовсе, а так – печалька. Очередной повод для фейков. Большую часть их разберем к вечеру. Соединим несоединимое. А пока параминутная кро-

хотка. Так, для затравки. Небезызвестный сбитневский шакал господин/товарищ Терентьев вышел в эфир от 91-й больницы. По-иному, извините, обозначить его не могу. Он частый наш гость. Тот еще правдурб. Служитель истины за номером ноль. Ну да, дело не в нем, а в 91-й. Туда, напомним, свезли вчера большую часть пострадавших. Понятно – ближайшая. Вариант сам по себе неплохой. По слухам, здесь отличная реанимация. Так вот с утра, может и с ночи, кто его знает, в самой больнице и в окрестностях начало происходить что-то странное. На территории больницы яркий свет, откуда – непонятно, и что-то вроде весны-лета: цветы, листва, птички... Наблюдаю, конечно, со стороны. Но факты налицо. Вокруг больницы опять же что-то вроде народного схода. Много инвалидов, причем детей с мамашами, стариков. Полиции мизер. Только на входах. Гэбэшники въезжают и выезжают. Но молчат. Из мэрии пока никого. Как видите, ясности – факты надо как-то объяснять – ноль целых ноль десятых. Но у нас же выпуск выходного дня. Нам все понятно. Вот картинка, которую я наблюдаю... Снег... Люди... Упоминаемые свет и зелень во дворе больнички... Господа, много ясного? Да ничего! Но вот сбитневский коммент на нее:

«Несомненно, мы имеем дело с очередной попыткой известных лиц раскатать ситуацию. О нравственной стороне этих людей говорить не приходится. Если они и сегодня, в день траура, привлекают к своим мероприятиям женщин, стариков и детей, то что будет дальше. Они начнут устраивать их на могилах погибших в терактах?»

А? Каково? Вы еще сомневались? Да понятно все. Как день деньской. Причины выявлены. Виновные назначены. Пока без имен. Но разве за ними дело станет? Пока не надо. Но как только, так сразу. Уж будьте уверены. К чести Терентьева – если к этому человеку вообще применимо слово честь – он-то сам ничего такого не говорит, и ограничивается выражением «пока все очень туманно». Но, видимо, для Сбитнева никакой туман не туман. У него всегда под боком прожектор для такого рода ситуаций. Модель прожектора собственного производства. Кодовое название «лапша на уши». Уровень – «для лохов». Но мы-то с вами не лохи. Мы-то понимаем, где и, главное, кем собака зарыта...

Окна – мозаика из бабочек. Палата №3 погружена в чудесные, разноцветные сумерки. На постели у окна, выходящего на южную сторону, лежит большой забинтованный сверток. Человек угадывается в свертке с трудом. По свободному от бинтов указательному пальцу. Он мелко, но отчетливо передвигается по разбитому в пустынные трещины дисплею смартфона. Экран вопреки состоянию корпуса светится. Буквы возникают в треде одна за другой. Линер, сидя напротив, пытается читать тред. Но шрифт слишком мелкий. Глеб, за ее спиной, совсем уж безуспешно пытается что-то разобрать. Белая у изголовья читает историю болезни:

– Пострадавший доставлен с теракта во второй очереди...

– Почему не в первой?

– Обычная практика. Кто не жилец – это можно сразу понять – с тем не торопятся... Я продолжу?

– Пожалуйста...

– Диагноз: тяжелая сочетанная минно-взрывная травма. Оперативно проведены бедренные ампутации нижних конечностей и правой руки по плечо. На левой руке сохранились большой и указательный пальцы. Прочих нет. Возможно, это врожденная аномалия. Но не факт. Кисть сильно пострадала. Сложно понять... Другое. Ожоги глазных яблок. С полной и невозстановимой потерей зрения. Лицо обезображено. Кожные покровы выгорели. Множественная челюстно-лицевая травма... Смерть пострадавшего наступила в 0.11. На данный момент нет пульса и мозговой активности. Это по данным ЭЭГ и ангиографии. Полная мышечная атония²¹.

²¹ ЭЭГ – электроэнцефалография. Ангиографии – метод исследования кровеносных сосудов. Атония – отсутствие нормального тонуса скелетных мышц.

Самостоятельное дыхание отсутствует. Обменные процессы не фиксируются. Документов нет. Оpozнание возможно только по генетической экспертизе...

Линер не выдерживает:

– Постойте... Я правильно понимаю. По данным объективного контроля – он мертв?

– Да.

– Тогда что мы видим?

– Я не знаю.

– Кто из нас врач?

– Я отвечаю за жизнь. За ее продление. О том, что есть после смерти, я знаю не более вашего. То есть ничего. Ну, если не сводить смерть к процессам разложения живых тканей. Их, этих процессов, кстати, в теле погибшего нет. Все остановилось.

– В 0.11?

– Именно.

– А вся эта штука на улице началась тогда же?

– Да. Вышла проветриться, а там листья шелестят и бабочки летают.

– Всё сразу – как сейчас?

– В целом – да. Сразу и всё.

– Как у него оказался смартфон?

– Это отдельная история. Тут у него был сосед. Не с теракта. Мальчик. «Парашютист».

В смысле – упал с высоты. Множественные переломы. Позвоночник в том числе. Гарантированная неподвижность. Без вариантов. Когда в 0.11 сработал реанимационный монитор, в палате из персонала никого не было. Я по случайности оказалась рядом с дежуркой. Бегом сюда. Входим. А мальчик по палате ходит. Туда-обратно. Мы так в дверях и застыли. Нечасто увидишь поднявшегося на ноги паралитика. Он к окну подошел. Взял смартфон... который мы вообще-то, можно сказать, из груди вырезали. Оставили. Бывает, и по вещам опознают. Так вот, он берет смартфон и кладет ему его на одеяло. И тут только я замечаю. Палец движется, как будто пишет что-то. Как сейчас. Мальчик под этот палец смартфон и положил. А на мониторе пульса нет. Подумали – конвульсии. Но нет... Не конвульсии...

– А если предположить?

Линер хватается за соломинку.

– Даже если и допустить подобное, то не кажется ли вам, что это какие-то слишком упорядоченные конвульсии?

– Вы читали, что он пишет?

– Не вчитывалась. Но осмысленный текст налицо.

Линер задумывается. Проблемы множатся. Без видимых путей к их разрешению. Но надо что-то делать.

– Так... Глеб, давайте, приступайте. Кто тому, что по вашей части. Как эта штука работает и почему. Как, что и, может быть, кому он пишет. Ну и прочее.

– Есть.

– Я пока камерами займусь... Маргарита Анатольевна, судя по характеру ранений, он был в эпицентре взрыва?

Белая кивает:

– Да. Вероятнее всего, между ним и источником взрыва никого и ничего не было.

– Даже так? Хорошо – это весомо сужает круг...

Линер достает ноут и открывает записи с камер. Интересуется между делом:

– Что мы еще знаем? Пол, возраст?

– Молодой человек. Лет 16—17. Судя по состоянию тканей и внутренних органов.

– Раса? Национальность?

– Это сложно. Да невозможно. Волос нет. Лицо... Ну, вы понимаете... Белый. Все, что можно сказать.

Линер находит запись из вагона.

– Посмотрите. Вот, кажется, он. Характер повреждений? А?

Белая всматривается.

– Да, ноги на мышцах. Почти отрыв. Так его и привезли. И в целом... Да, он. Еще видите – руки на груди... Смартфон...

– Да, да. А руки что же – так и лежали до приезда к вам?

– Да, именно в этом положении. Их как свело. Я же сказала, эту штуку из груди вырезать пришлось.

– Документов, вы говорите, нет?

– Ничего. Да и других вещей, насколько я знаю, нет. От одежды клочки.

– Не богато... Что у вас, Глеб?

– Тут что-то... Я...

Он в явном замешательстве.

– Что Глеб? Проблемы? Это вам не серверы взламывать. Здесь люди.

– Да нет, товарищ майор, все понятно. Но непонятно, как такое возможно.

– Говорите.

– Короче, так. Смартфон не рабочий. Батарейка убита. «Мама» пашет, но она в таком состоянии, что никаких гарантий. Табло работает. Шлейфов²² никаких. От чего он заряжается? От рук его, что ли? Неясно. Ладно, это одна фича²³, приняли. Но дальше вообще непонятки... Текст он набирает. Но «Ворда» нет. Ну, предположим, чатится. Аська или социалка какая. Но их нет. Вообще нет. К Сети не подключен. И тут еще одна беда вырисовывается, и это уж совсем клиника...

Спохватывается. Бросает взгляд на Белую:

– Ой, извините...

Белая улыбается.

– Ничего.

– В чем клиника? – настаивает Линер.

– Он с кем-то переписывается.

– Что значит «он с кем-то переписывается»?

– Ну, это диалог, товарищ майор.

– Вы же сказали – чата нет.

– Я сказал, что нет программного обеспечения. Нет условий для этого. Это какая-то... его сеть. И он с кем-то в ней общается... Вот смотрите, он пишет строчку... Палец зависает... Ждет... Видите – пошел текст? Но пишет-то его не он! Опять он... Вопрос? Опять замер... Ответ его... Пишут ему...

– Кто пишет? Откуда пишет?

– А вот этого я не знаю, товарищ майор.

– То есть ответы приходят из ниоткуда и ни от кого?

– Как-то так... Тут еще одна фенька... Это не текстовый редактор... Текст не копируется...

– Что же это за формат?

– Не знаю. Какое-то изображение. Причем все, что он написал с ночи и пишет сейчас, идет как одна страница... Чисто теоретически можно скриншот взять. Будет копия.

– Делайте.

²² Шлейф – интерфейсный кабель.

²³ Фича – отдельная функция, особая возможность программы.

– Сейчас он будет промежуточным. Он постоянно обновляется.

– Дождаться окончания треда предлагаете? Он может прекратиться так же внезапно, как и был начат.

– Ок, можно и промежуточный. Но надо понять, как это можно сделать.

– Работайте.

– Есть.

Линер пытается собраться с мыслями. Чем дальше в лес, тем больше дров. Белая напоминает о себе:

– Извините, по истории болезни еще не всё...

– А что еще?

– Тут, как выразился молодой человек, у меня еще одна «непонятка».

– Ага, а все, что вы уже озвучили, – это понятка? Да?

– Нет, но... Это к вопросу о том, с кем он общается...

– А что вы можете сказать?

Линер напрягается. Пристально смотрит на Белую. Белая отводит глаза в историю болезни. Линер знает этот свой взгляд. Его мало кто выдерживает.

– После 0.11 на теле умершего фиксируются...

В палату стучат. Линер удивлена. Смотрит на Белую.

– Кто это?

– Понятия не имею.

– Войдите, – просит, как требует, Линер.

Входит невысокий, круглый как колобок мужчина за шестьдесят в белом халате. Находит глазами Линер, интересуется вкрадчиво:

– Разрешите, Юлия Вадимовна.

– А, Семеныч. Что у тебя?

Семеныч мнется.

– Мне бы... тет-а-тет, Юлия Вадимовна.

Линер хмурится. Как все разом. Закрывает ноут. Встает.

– Одну минуту.

– Как скажете, – соглашается Белая.

С ноутбуком по мышкой Линер выходит в коридор.

– Ну, что у тебя?

Семеныч виновато прячет глаза.

– Юля, я звонил шефу – он сказал, что ты сейчас оперативно руководишь и все текущие вопросы к тебе...

– Не тяни, Семеныч, дело говори!

– У нас пропали останки. Девушки. Возможно, смертницы. Не факт. Одной. Всего одной. Ты же знаешь, есть версия, что их было две в одной точке...

Линер улыбается.

– Что за бред? Как это пропали?

– Ну, как... Протокол есть, номер есть, останков нет.

Линер всматривается в Семеныча. Нет, не шутит. Да и какие тут шутки.

– Семеныч, пердун старый, ты понимаешь, какое это ЧП? Это ж выходом в отставку папахивает!

– Юля, все понимаю. Но я не знаю, как это случилось. Мы с Пашей не выходили оттуда. Не выходили, клянусь. Некогда было выходить. Работы – удавиться можно. Да, курили. Но по очереди. Останки были на столе. Прикрыли как положено. Памятные. В правой кисти на двух пальцах мяч теннисный застыл, как всегда там и был. Дошла их очередь. Нет. Как и не было.

- На входе кто был?
- Местные. Кто же еще? Кто на морг спецхрану ставит? Не уйдут же?
- Ушли!
- Ну, Юля...
- Что Юля?!

Линер впервые за утро кричит. Отворачивается от Семеныча. Отходит в сторону. Не то чтобы небывалое происшествие. На югах «двухсотых» теряли пачками. Но то – война. Списывали. Пропавший без вести – и вся беда.

«А здесь на что списывать?» – вопрошает себя Линер и возвращается к Семенычу:

– Возможность опознания?

– Только по генетике. Эпицентр. Полный разброс. Ни лица, ни тела целиком. Документов нет. Одежды клочки. Смартфон разбит в детали. Но, может, и вообще не ее. Прилетел от соседей.

– Девушка, говоришь?

– Да, была девушка...

– Та-а-ак...

Линер прикидывает про себя: «Не до этого пока. А время до вечерней проверки есть». Решает.

– Значит так, Семеныч, возвращайся пока на место.

– Так мы закончили уже...

– Вы еще не начали! Возвращайся на место и жди указаний. Я буду думать, как это все представить. Работнички ножа и топора... Нашел себе проблемы на старости лет. Всё, иди. Я позвоню. Отчет лучше делайте. Что б до запятой!

– В лучшем виде будет, Юля, в лучшем виде!

– Давай, давай, иди с глаз моих.

Линер возвращается в палату. Закрыв дверь, напоминает Белой:

– Так что там фиксируется?

– ...Фиксируются частички инородной ткани.

Линер садится. Открывает ноут. Машинально уточняет:

– Что значит инородной?

Открывает папку с видео, всматривается: «Так... Кого же Семеныч тут потерял?»

– Значит, не его. Не его кожа, мышечные покровы. Другой человек. Судя по некоторым признакам – женщина. Растет на нем. Как будто из него. Растет равномерно по всей сохранившейся поверхности. Налицо устойчивая тенденция к формированию второго тела. Оно как бы стремится обнять первое. Если наблюдаемые темпы роста сохранятся, то окончание процесса возможно в течение 3—4 дней.

Белая умолкает. Отрывается от истории болезни. Линер и Глеб смотрят на нее деревянными лицами. Белая невозмутимо поясняет:

– Это данные не только визуального контроля, полученные в ходе перевязок. Проведены анализы крови, кожей и мышечной ткани. Все точно.

Линер приходит в себя. Закрывает ноут. В задумчивости стучит пальцами по крышке: «Нет, такое не выдумать. И она так уверенно об этом говорит. Анализы опять же... Всё, милая. Закончилась уголовка. Начинается политика».

Вслух уточняет:

– Кто знает обо всем этом?

– Я и теперь вы.

– Другие врачи, медсестры отделения? Ну, и те, кто делал анализы?

– Они обладают частичной информацией. Каждый в своем секторе. Полная картина им не известна. Хотя, конечно, вмешательство иных, прежде всего, академических научных структур не помешало бы...

– Исключено, – отрезает Линер.

– Я так и подумала. Раз вы контролируете дело. Поэтому к вам и обратилась.

– Вы правильно сделали. Никакого стороннего вмешательства... Пока...

Линер берет паузу, поворачиваясь к Глебу:

– Что у вас?

– Да, есть что-то вроде скрина.

– Отлично.

Линер возвращается к Белой. Задает вопрос, который вертится на языке:

– Что же, выходит, он тут не один? Их двое?

Белая качает головой.

– Нет, не так... То есть не совсем так...

Она мучительно ищет формулировку. Закрывает историю болезни. Отходит к окну, кладет папку на подоконник. Прижимает ладони к стеклу.

– Их не двое...

Водит пальцами по лоскутному рисунку.

– Он...

Останавливает пальцы.

– Нет... Они...

Находит. Оглядывается.

– Они – одно...

II

Будильник на смартфоне играет пока недостижимое «Cessa de più resistere»²⁴. Он поворачивается на спину и слушает арию до места, где на бесконечном распеве автор позволяет JDF²⁵ взять дыхание. После чего отсчитывает еще четыре такта и выключает будильник, не дожидаясь второй части. Анданте в ре-бемоль мажор – скучно. Потому что технически уже возможно, достигаемо. Заключительную часть со всеми ее фиоритурами²⁶ и шестнадцатыми он оставляет на день. Утром от нее с ума можно сойти. А послушать в школе в самый раз. Выносит с уроков от иксов-игреков, склонений-спряжений в даль чистую, небесную. Главное – не включать ее на ночь. Копание в себе до утра обеспечено. Хуже только от «Ah mes ami»²⁷. Здесь JDF особенно циничен. Полное ощущение того, что ты вошь, тварь дрожащая без права на помилование. Сегодня, в отличие от трех предыдущих дней, он удерживается от мазохистского стремления выслушать этот приговор с утра. Достаточно. И без того каждое действие просчитано до мелочей. Уже много лет он ничего не делает просто так.

Зевая и потягиваясь – и это первое в распорядке дня упражнение – встает. Принимает дежурный стакан воды комнатной температуры. Открывает дверь на балкон. С удовлетворением отмечает, что апрель в этом году невиданно влажный. Даже при коротких вдохах легкие наполняются больше обычного. В какой-то из дней можно будет обойтись без марлевой повязки. Надышаться вволю. Впрочем, в городе и в дождь некуда деться от грязи и пыли. Здесь все кошмарно быстро сохнет и чересчур много авто.

²⁴ «Cessa de più resistere» – ария Альмавивы из оперы Д. Россини «Севильский цирюльник».

²⁵ JDF – Хуан Диего Флорес (род. 13 января 1973 года) – перуанский оперный певец, тенор.

²⁶ Фиоритура – музыкальное украшение.

²⁷ «Ah mes ami» – ария Тонио из оперы Г. Доницетти «Дочь полка».

Паталогическое неприятие беспорядка и сухости в любой их форме – закон семьи. Он передан ему от родителей и сестер. И пусть он – приемный ребенок, восьми лет оказалось достаточно, чтобы ненависть ко всему сухому пропитала его насквозь. Любая пыль напоминает ему о грязи детского дома с его вечно пьяными уборщицами. Он даже в воспоминаниях не хочет возвращаться туда. В целом тот период жизни не запомнился ему чем-то хорошим. Что хорошего о детдоме может вспомнить инвалид? Он родился без шести пальцев на руках... Но поймал счастливый билет на одном из вечеров детдомовской самодеятельности. Каким-то чудом на том концерте оказался приемный отец. Народный. Ангажементы на трех континентах. Почетный профессор. Консерватория. Тогда всё это слова из другой жизни. Теперь – реальность. Квартира – треть этажа сталинской высотки. Загородный дом в двести метров. С флигелем в пятьдесят. Консерваторская школа-десятилетка. Еженедельные концерты. Предощущение большой карьеры. Ради всего этого можно и нужно жить по режиму. Все правильно. И так жить нужно всю жизнь. Еще один принцип семьи, усвоенный им, пусть и не сразу. Внутренне он пару лет ему сопротивляется. Но теперь поминутно расписанный день и связанный с этим контроль любого действия приносит ему удовольствие. Его не приходится заставлять. Все предельно естественно. Есть цель. И она подразумевает средства. Не обходится без сбоев. Неверный выбор партий для вечернего прослушивания – один из них. Но JDF вычислен. И потому не несет угрозы. Есть в нем что-то и положительное. Некая высшая планка. Которая при всей своей запредельности все же не убивает. А значит – делает сильнее.

Это нищезанятие – третий принцип семейного воспитания. Оно выражается прежде всего в его ежеутренних распевках. Каждое утро, через полчаса после пробуждения. Натощак. Это изобретение отца, противоречащее всем существующим методикам. И, строго говоря, только в отношении сына этот подход и применяется. Объясняется все индивидуальными биоритмами. Он, мол, жаворонок.

– Чего молчать, раз природа требует?

Нет, о партиях речь не идет. Все укладывается в стандартные мычания и несколько гласных на половину листка Порпоры²⁸. Все больше разговоров по случаю. Отец стремится наверстать упущенное – треть года он за границей. Но именно эта четверть часа объясняет отцу все успехи постмутационного периода. Голос сына рано ломается. Но быстро, в какие-то полгода мутирует в нечто вполне зрелое, мужское.

– Двадцатипятилетнее, – говорит как-то отец, тут же предположив, что его кровные родители откуда-то с юга. Настолько его мутация и по возрасту, и по темпам напоминает выходцев с тех мест.

Ужин вслед за этим на минуту останавливается. Сестры – скрипка и флейта – вежливо хихикают. Мать чинно – ни дать ни взять контрольно – улыбается, будто вспомнив кого-то. Ему нечего вспоминать. Он – отказник. В роддоме его даже не берут на руки. Четыре пальца из десяти. Судьба очевидна...

– Возможно, – соглашается он и добавляет к мурлыкающему восторгу стола:

– Ah sì per voi già sento²⁹.

Проделав необходимые дыхательные упражнения, он принимает ванну. Всего их в квартире три. Ровно столько же их было в детдоме на сто человек. Свою он делит с сестрами. Детей не балуют отдельными удобствами. Даром, что сестры уже подростки. Со своими уже вполне женскими секретами. Но детей учат договариваться и сотрудничать. Прочее – стерпится.

Сестры еще спят. Их будит, как и всех женщин дома, его распевка. Пожалуй, только бабушка просыпается раньше. Впрочем, в ее девяносто два отделить состояние сна от бодр-

²⁸ Листок Порпоры – сборник вокальных упражнений. Приписывается Николе Порпоре (1686—1768) – итальянский композитор и педагог.

²⁹ «Ah sì per voi già sento» – ария Отелло из оперы Д. Верди «Отелло».

ствования сложно. Невозможно. Вот уже лет десять, находясь в чем-то «среднем», бабушка единственная в доме живет не по правилам. Ей позволено даже курить. Благо делает она это относительно редко. И только на своем балконе. В прошлом балетная прима, она любит одиночество. Вот и теперь, проходя мимо ее комнаты, он улавливает шоколадный аромат, облачком влетевший в холл меж неплотно закрытых половинок стеклянной двери. Он отворачивается и машинально прикрывает нос ладонью. Хотя в душе и не может в который раз не признать, что запах этот чертовски приятен. Помимо табака, из которого бабушка лихо сворачивает короткие, но толстые, в сигару толщиной, папироски, она коробками потребляет шоколад. Причем исключительно какой-то одной французской конторы. Шоколад доставляется почтой. Давно покойный основатель фирмы, поклонник бабушки в молодости, отдельной строкой в завещании указал количество и сроки. Все это несмотря на то, что, по слухам, чувство не было взаимным. Так это или нет – Бог весть. Бабушка хранит подчеркнутое молчание, а квартира ежемесячно наполняется ароматами посмертной любви. Когда партия иссякает, бабушка курит вдвое больше обычного. Для всех в доме это вполне определенный сигнал – месяц на исходе. Жди новой посылки. А пока. Терпи и прикрывайся.

Он так и входит в зал с ладонью у лица. Отца еще нет. Огромный во всю стену террариум для бабочек – кстати, источник дополнительной влажности – жужжит и светится. Он подходит к террариуму вплотную. Убирает руку от лица. Он помнит каждую из бабочек в течение всей их недолгой жизни. Это хобби его и сестер. У тех полным-полно всяких книжек и альбомов. Щебечут то и дело по латыни. А он биологию не любит. Как и все науки. Бабочки нравятся ему просто так. Именно потому, что молчат, и тем не менее прекрасны. Давно привыкнув измерять красоту только качеством звука, он склоняет голову только перед этим немо-порхающим великолепием.

Слышатся шаги в холле. Отца нельзя с кем-то спутать. Бас. Он и ходит как бас. Да и не с кем путать. Мужчин в семье двое. Ну, кто-то еще вот из этих за стеклом. Только они не ходят. Нечем. Правильнее сказать – незачем.

Распевка обычна. Преимущественно звучит монолог отца. Редкие вопросы. О певческих ощущениях. Об общем состоянии. Обсуждают завтрашний концерт в соборе. Хор, орган, струнные. Вокально-инструментальная солянка. Все сложно. Готово три номера. Стандартные для собора молитвы *Ave Maria* в двух вариантах и в дополнение к ним ария из бельканто³⁰. Последняя должна привлечь внимание. Еще бы. Старшекурсный, для большинства выпускной консерваторский материал. А он еще туда и не поступал.

Отца волнует акустика. В который раз он заводит разговор про полетность голоса. Вспоминает первую зарубежную стажировку. Тщедушных и почти неслышных в репетиционной комнате местных. Его торжество. И его падение. В тысячном зале не слышно было уже его. Потом были годы работы над техникой, чтобы разрезать зал на куски. Как пирог. Вот задача. Вот цель.

– Как у тебя получится? Не репетиционная комната. Техники-то как раз должно хватить. Ты ее быстро схватываешь. Но вот хватит ли физики? Собор – не школьный зал. И шестнадцать лет все-таки не двадцать пять, как не мутируй. Настоящее пение – тяжелый физический труд. Техника, конечно, важнее, но...

Отец всю распевку морщится в сомнениях. В итоге, впрочем, отшучивается:

– Бог поможет. Место-то намоленное.

Бог в семье – повод для шуток. О нем отец и мать, будучи убежденными атеистами, вспоминают по случаю. И никогда всерьез.

³⁰ Бельканто (итал. *bel canto* – «красивое пение») – техника виртуозного пения, характерная для итальянской оперной школы до середины XIX века.

За завтраком, к которому бабушка никогда не выходит, сестры обсуждают платья на итоговый ежегодный концерт.

– Не рано? За два месяца-то до-о... – ухмыляется наконец папа всемирно известным запредельно низким «до».

Мама вступает в дуэт повышая. Всего два такта, чтобы не пропал концертный день тишины. Сестры прыскают в ладошки и их смех напоминает ему скрипку и флейту. В этом доме у всех, кроме бабушки, какой-то определенный голос. Его легкий тенор смеется в тон общему веселью, и он бросает сестрам и маме по груше из вазы.

В школу он и сестры ездят по отдельности и на метро. Машина есть. И не одна. И даже шофер. Есть возможность и встречать, и провожать. До определенного возраста так и делают. Но теперь поездка в метро – своего рода «общая ванна». Метро так же приучает к сотрудничеству и компромиссу. Спускает с девятого этажа высотки «на землю»...

– Под, под землю, мама! – то и дело плачутся сестры.

В отличие от общей ванной, эта традиция находит у детей меньшее понимание.

– Смирись, гордый человек! – всегда цитирует мама в ответ, обрывая дальнейшие возражения.

Он воспринимает эти поездки спокойнее. Претензий избегает. В провинциальном детдоме и метро – это что-то космическое. Но когда его везут на выступления, понимает, что не отказался бы от личного транспорта и в обычные дни. Хорошее – не плохое. К нему быстрее привыкаешь. Отвыкнуть совсем – вообще невозможно. Легкая ностальгия посещает его, едва он оказывается на улице. Сыро – хорошо. Но ветер. Погода больше похожа на мартовскую – не апрель. Странно, что, стоя на балконе, он этого не почувствовал. Повязку на лицо надевает еще на лестничной клетке, перед лифтом. Еще одна семейная «история». Прямое следствие табу на любые формы простуд. Взрослые, конечно, не следуют ей повсеместно. Эта традиция не для объективов камер. Не соответствует их всемирному статусу. Но детей приучают. С октября по апрель включительно без повязки, хотя бы в кармане, из дома выходить нельзя. Сестрам, особенно скрипке, позволяют исключения и частые. Он же – олицетворение правила, которое можно нарушить только в день концерта. Да и то потому, что в этот день ему и без того не позволено рта раскрыть. День абсолютной тишины. Повязка ни к чему. В прочие осенне-весенние дни из него также выудить слова на улице фактически невозможно. Да и летом Цицероном он не слышит. И уж тем более никогда и ни при каких условиях не поет где попало. Лестничные пролеты и коридоры, как школы, так и консерватории, куда он с нового года ходит на уроки, никогда не слышат его пения. До них доносится, и то иногда, лишь отчетливый шепот – слова арий, речитативов... Консерваторские, не знающие его лично – посмеиваются. Но одноклассники давно лишь уважительно крутят пальцем у виска – у гениев свои причуды.

До метро семь минут. В горку. Хорошая зарядка. Потом одна станция по кольцу. И две по «радиусу». Он идет почти не глядя под ноги и по сторонам. Наверное, при необходимости он мог бы пройти весь путь до дверей школы вслепую. Он все собирается попробовать. Останавливается час пик. Еще терпимый на кольце. Но вот закрыть глаза на «радиусе» вряд ли получится. Да и переход к нему с кольца осуществлению задуманного никак не способствует: он длинный и относительно узкий, объединяет два ничем не разделенных потока пассажиров.

Всю дорогу он молча разучивает арии. До метро только слушает. В метро параллельно отсматривает скачанные ноты. Одного реже двух просмотров ему хватает для воспроизведения партии в мельчайших подробностях. Схватив однажды – он не забывает уже никогда. Дальнейшие просмотры – это так, поиск дополнительных ощущений. Нарботка эмоций, не более.

Впрочем, память его избирательна. Он запоминает исключительно теноровый репертуар. На прочее словно включается какой-то ограничитель. Отец предостерегает: при таком раннем развитии спустя несколько лет он вполне может стать баритоном. А то и ниже. Отец показывает

на себя пальцем. К этому неплохо было бы готовиться уже сейчас. Он соглашается, но нетеноровые партии слушает нехотя. В дуэтах, трио, квартетах изучает только свой голос. И категорически не помнит, о чем и как поют остальные. В конце концов теряет в драматургии, в восприятии общего смысла произведения. Но его упорно волнует теноровое соло и ничего кроме.

Такая избирательность памяти – о ней знает только семья и консерваторский педагог по вокалу – оценивается по-разному. Родители, будучи солистами, не находят в ней ничего предосудительного. Сами такие были. Они советуют не заикливаться на проблеме. По их мнению, ее попросту нет.

Консерваторского педагога ситуация настораживает. Он считает, что это может серьезно помешать его дальнейшему музыкальному развитию. Но кроме высказывания опасений, он ничего не предпринимает, не предлагает ни единого способа борьбы с недугом, который сестры обзывают «теноровой памятью». Судя по их ехидному хихиканью, термин возникает явно по аналогии с памятью девичьей, на которую он имел неосторожность однажды намекнуть. Ответный удар не заставил себя долго ждать.

С связи с «теноровой памятью» неожиданно высказывается бабушка. Хотя до этого все эти «голосащие дела» ее совершенно не интересовали. В начале последней февральской коробки, при очередном обсуждении наболевшего вопроса, она неожиданно заявляет:

– И правильно, деточка. На кой черт они тебе нужны, помнить их. Помни себя. Работай себя. Говори себя. Никто кроме тебя не скажет. И с какого такого рожна ты будешь баритоном? Не будешь ты им никогда, – будто пророчество изрекает она в заключение и удаляется к себе с едва початой коробкой шоколада под мышкой.

Переходя улицу возле церкви, возвышающейся над станцией метро, он в который раз вспоминает бабушкин приговор. Высказанный безапелляционно и специфическим бабушкиным языком, приговор этот стал четвертым правилом. Правилom, касающимся только его. Уникальность делает его весомее прочих. В каком-то смысле убирая их совсем...

Впрочем, беречь голос нужно всегда. Метро – наибольшая зона риска. На улице еще можно расслабиться. А здесь гляди в оба. Он останавливается у газетного киоска и плотнее затягивает повязку. Окинув взглядом нескончаемый поток уходящих под землю людей, он не спеша приближается к вестибюлю, массивные деревянные двери которого в этот час не успевают закрываться. Люди натываются на впереди идущих. Присматриваться к соседям некогда. Напирают сзади. Но он успевает-таки пропустить вперед женщину средних лет с платком у носа. Этого еще не хватало. Он пристраивается у нее за спиной и молит о том, чтобы она не обернулась. После турникета можно перестроиться на другой эскалатор. А пока глаза в пол. Он берет дыхание здесь на входе, а не в холле, пропитанном застарелыми испарениями тысячи глоток. Следующий вдох на эскалаторе. Там тоже хорошо проветривается. Нет такой концентрации всякой дряни. Но есть сквозняк. Это тоже надо предусмотреть. Он плотнее стягивает на шее кашне.

Удача. Женщина не оборачивается. Сразу после турникета он шагает вправо, перемещаясь к центральному из трех эскалатору. Упирается глазами в спортивный костюм с инициалами сборной страны. Знаки и масштабы спины – с дорическую колонну на входе в вестибюль – успокаивают его. Предельно здоровое во всех смыслах тело. Надо лишь за ним удержаться. Задача требует полной концентрации. «Тело» уж очень быстро пересекает холл перед вторым эскалатором. Нужно серьезно ускориться. В итоге все складывается как нельзя лучше: на эскалаторе он встает четко ступенькой выше. И спуск проходит без происшествий. Спортсмен не оборачивается и вообще совершает минимум движений. Его шея в накачанную ногу толщиной без заметных колебаний несет маленькую лысую головку, прикрытую бейсболкой. Большие, ступидные наушники выглядят на их фоне комично. Возникает вопрос:

«Что представитель сборной слушает?»

Явно не то же, что он. Не «Ave Maria». Впрочем, здоровый дух нельзя исключать даже при такой устрашающей внешности. Отец, к слову, тоже не маленький и на лицо совсем не красавец. Хотя отец – это, конечно, совсем другая история...

На платформе он покидает спортсмена. Тот движется к первому вагону. Тогда как его вполне устраивает центр. И пусть вагоны здесь всегда забиты под завязку – особенность кольцевой – но одна станция не стоит таких длительных перемещений. Гораздо проще немного потерпеть.

Поезд прибывает. Он долго пропускает людей вперед, чтобы войти последним и оказаться у самых дверей. Идеально – прижаться к ним лбом. Исключительная безопасность. Он прикрыт со всех сторон от тех, кто в вагоне. А при выходе быстро – глаза в пол – проскальзывает мимо входящих.

Все складывается идеально. Но оказавшись в переходе на «радиус», он понимает, что рано радовался.

В длинном сводчатом переходе столпотворение. Не как обычно. Встречного потока нет. По какой-то причине переход работает только в одну сторону. Но и в ту единственную сторону продвижение незначительное – пара метров в минуту. Кажется, что люди бессмысленно толкуются в замкнутом пространстве.

На третьем шаге, поняв ситуацию, он пытается повернуть назад, но поздно. Нельзя даже подумать о том, чтобы пойти против течения. Он делает еще два шага и снимает один наушник. До его слуха шорохом от плеч и голов окружающих доносится причина столпотворения:

– Трррр... ктт... трррр... ктт...

Добавив нехитрые гласные, он улавливает следом и место происшествия. Недалеко. Но ветка другая. Он залезает в Сеть. Да, уже есть сообщения. Событие пятнадцатиминутной давности. Та ветка закрыта.

«Может, и эта? Но пусть и медленно – продвижение вперед есть. Значит, просто все рванули сюда. Кольцо сошло с ума. Надолго ли?»

Он снимает второй наушник и дивится относительной тишине, которая царит в переходе. Шорох шагов, одежды, почти нет разговоров. Изредка звонят телефоны. Кто-то кого-то успокаивает. Редкие детские возгласы. Строгий шепоток взрослых. Напряжение чувствуется. Но в целом – все спокойно. При том, что ситуация крайне неуютная. Поток плотный. Локти не поднять. Достаточно любого хлопка, намека на случившееся поблизости – и давка обеспечена. Он возвращает наушники на место и осматривается.

Впереди бежевое кашемировое пальто. В тон шляпка-котелок. Портят всё зеленая лента на шляпе и катышки на кашемире.

Слева небритая щека, грязная синяя куртка и чудовищный осязаемый даже через марлевую повязку перегар.

Справа чуть ниже плеча черная спортивная шапочка, большой палец летает по экрану смартфона. Правая кисть ритмично сжимает теннисный мяч, сдавливая его почти целиком. Такая сила не очень вяжется с хрупким – однозначно девочка – телосложением. Он впивается в пальцы взглядом. С минуту не может от них оторваться. Не имея с рождения большей части своих, он не без самоуничижительного трепета относится к пальцам других. Они всегда вызывают у него живой интерес. А уж если они наделены какими-то необычными способностями – и подавно. Отчасти поэтому дома он конфликтует со скрипкой гораздо реже, чем с флейтой. И никогда не путает сестер-близняшек. Хотя этим в минуты усталости грешит даже мама. Ему не нужны лица. Пальцев достаточно. У скрипки они другие. Он до конца не может объяснить, что именно их отличает от флейты. Внешне и при ближайшем рассмотрении не найти и пары тройки различий. Его путанные доводы в ответ на пристрастные вопросы мамы обрывает как-то возглас проходящей мимо бабушки:

– Отпечатки.

Вопросы на этом заканчиваются. А его интерес к пальцам выходит на новый уровень. Может, он действительно видит то, что недоступно другим?

Вот и теперь он не без удовольствия сосредотачивается на пальцах соседки справа. Времени достаточно. А толпа не позволит им разойтись. С виду это пальцы как пальцы, но стоит лишь немного присмотреться, чтобы понять всю их несхожесть с прочими.

Обращают на себя внимание уже сами кисти с их твердыми, мозолистыми, похожими на пятки ладонями. Они регулярно то ли бьют, то ли держатся за что-то твердое. Ими, судя по виду, можно гвозди забивать. Этакie ладошки-молотки, покрытые густой сеткой мелких шрамов и потертостей. Смартфон в такой ладони кажется чем-то инородным. Безупречно гладкий, ровный и чистый. Дитя современности в первобытно-избитых ладонях. Теннисный мяч жалко. Кисти будто пытаются его, каждым следующим объёмом грозя разорвать на части. Пальцы-мучители – что-то совсем необыкновенное. Длинные как у сестры-скрипки. Но больше ничего общего. У скрипки – изящество до кончиков пальцев. Природное совершенство, выверенное органическими кремами и шелковыми перчатками. Здесь – увеличенные суставы, больше похожие на наросты. Нереально длинные – прямо рахманиновские – большие пальцы. Их как будто кто-то специально вытянул. Внутренняя поверхность пальцев – продолжение ладоней-пяток. Да что там – много хуже. Нет, кажется, и миллиметра, свободного от трещин, царапин и рубцов. Кожа будто собрана из отдельных изорванных по краям лоскутков. Несколько свежих пластырей телесного цвета завершают печальную картину. Эти руки собранием своих разрушений напоминают ему заброшенный в пустыне город...

Но сколько в этих пальцах жизни! Как мощно они вращают и сжимают несчастный мяч. Как ловко большой палец листает страницы и набирает сообщения. Они само совершенство. Недостижимый для него идеал...

Для полноты картины он пытается рассмотреть ее лицо. Это трудно. Она гораздо ниже ростом и поглощена перепиской. Забыв о приличиях, он через плечо читает кусочек успокаивающего – кажется, маму – сообщения. Вдруг понимает, что и ему неплохо было бы отметить. Спешно, рассылкой отправляет нехитрый текст, повторяя слово в слово только что подсмотренное сообщение:

«У меня все ок».

Возвращается к попутчице. Она листает сайты с одеждой. Все правильно. Девочка остается девочкой, пускай и с такими пальцами. Останавливается на каких-то странных не то кедах, не то кроссовках с изогнутыми черными подошвами. Просматривает несколько моделей. Ей кто-то отвечает – срабатывает световой индикатор. Она возвращается на домашнюю страницу. Одобрительные смайлики с нескольких адресов. Он схватывает глазами фото на ее аватарке. Снимок в анфас, в этой же шапочке и с черной повязкой-снудом на шее. Снуд и сейчас на месте. Сразу он не обращает на него внимания. Эта фотография – стилизация под живопись. Что-то из Кватроченто³¹. Очень знакомое. Но сейчас не вспомнить. У него в комнате есть альбом.

Хотя, может, это и не она вовсе. Ставят же в качестве аватарок чужие фото или картины. У сестер, например, стоит снимок бабушки восьмидесятилетней давности. Да, они похожи на бабушку в детстве. Но все-таки – не она. Здесь нельзя ошибиться.

Между тем отвечают и ему. Сестры еще не вышли из дома. Сегодня в школу и обратно их повезет папа. Все интересуются его местонахождением. Он зачем-то лукавит, отвечая, что почти добрался. Пишет почти не глядя, а голова занята другим:

«Как же увидеть ее лицо?»

Проблема сложнее, чем можно подумать. Вроде бы они рядом. Даже касаются друг друга. Но ее висок где-то на уровне его плеча. И у нее нет повода поднять взгляд. Она предельно отре-

³¹ Кватроченто – эпоха итальянского искусства XV века.

шена от конкретики места и сосредоточена на каких-то виртуальных делах. Страницы мелькают. Мяч, кажется, стонет и вот-вот разорвется.

В задумчивости он не замечает, что смотрит слишком пристально. Этого нельзя не почувствовать. В конце концов она поднимает голову и возмущенно смотрит на него снизу вверх. И он понимает – фото на аватарке ее. И на той картине пятнадцатого века, из альбома – тоже она. Полтысячи лет назад она была там. Сидела напротив гения. И он был ею покорен. А теперь... Теперь она просто сошла с полотна и спустилась в метро...

Ожидая выговора он замирает. Но она ограничивается только улыбкой, которая явно относится к его нелепой марлевой повязке. Осматривая его роскошные наушники, она сжимает губы. Завидев пальцы, кривится до молчаливой усмешки...

С раннего детства, с первых моментов осознания своей ущербности, он старается не показывать обе кисти сразу, оставляя в своем образе для окружающих какой-то шанс на нормальность. Если одна кисть на виду, то вторая прикрыта. Да, эта рука такая, но та, в кармане, уж, наверное, как у всех. Привычка, выработанная с детства. Он не забывает о ней даже на концертах. Но не сейчас. Обе кисти на свету. Эта девочка посвящена в его тайну. Ее лицо теряет маску. Вслед за усмешкой он читает на нем отвращение.

Обоих толкают в спину идущие сзади. Оба делают следующий шаг, при этом она нарочито чуть отворачивает от него экран смартфона, не убирая, впрочем, его совсем. Он, сбитый с толку, отводит взгляд к небритой щеке, осознавая – повязка мало того что нелепа, так еще и спасает далеко не от всех ароматов. Отвернувшись от ненавистной щеки, он против собственной воли смотрит на ее руки. Неведомая для него ситуация: ты приказываешь себе что-то не делать, но тем не менее это делаешь. Причем отдаешь себе в этом отчет. Но что толку.

Вот она, кажется, выбирает модель и делает заказ. Он замечает: ей явно не по себе. Уже не столь молниеносны движения пальцев и явно зажаты плечи. Линия наклона экрана – от него – выдерживается строго и без каких-либо колебаний. Но самой ей некуда деться. Нет, кажется, даже малейшей возможности поменять место. А до конца перехода такими темпами минут 5—7, не меньше. Да и кто знает, что там на платформе. Продолжение давки не исключено.

Оба, кажется, прокручивают в голове временные рамки. Выводы разные. Она убирает смартфон и сосредотачивается на мяче, каждые пять-шесть движений меняя кисть. Подчеркнуто глядит куда-то под ноги. Он выключает музыку и спускает наушники на шею. Повязку, скомкав, кладет в карман пальто. Обдумывает первые слова. Да, у него нет пальцев, но у него есть голос. И какой голос. Отмечаются банальные приветствия и вариации на тему «как дела», разговор о теракте и тем более о Кватроченто, отмечается все, кроме мяча. Спустя метр после того, как она узнала его тайну, он наклоняется и говорит ей на ухо, четко артикулируя:

– Мячу больно.

Она мгновенно поднимает голову. Он едва успеваешь отпрянуть. Мяч замирает в ладони. Она ждет, что он скажет дальше. Но он молчит. Тогда она поднимает свободную левую кисть на уровень его глаз и долго нарочито умело сжимает и разжимает ее, вращает и крутит пальцами. Перебрасывает мяч с руки на руку и повторяет с еще большей виртуозностью те же движения правой. В заключение, на десерт – еще одна усмешка, да такая, что ему хочется ее ударить. Словно почувствовав угрозу, она хмурится и останавливает пальцы. Отворачивается. Но и его собственные мысли – почти синхронно – заставляют сделать то же самое, а когда снова смотрит в ее сторону, девушки уже нет рядом. На смену ей приходит какой-то старичок с бородкой вождя. А девушка каким-то чудом протиснулась на одного человека вперед. Он замечает ее шапочку чуть справа от бежевого котелка. Ее габариты позволяют выделять такие фокусы. Ему же и мечтать о таком не приходится. Еще пару метров – и она исчезнет из виду. До конца перехода не более пяти. Еще подъем к платформе в две лестницы. Но там заметное сужение – скорость потока еще упадет.

«Но где она будет к тому моменту с такой-то ловкостью?»

Он возвращает наушники на исходные позиции и решительно втискивается в полу-метровый промежуток между замешкавшейся «бородкой» и бежевым пальто. Возмущения «бородки» он не слышит. Бах на пару с Гуно помогают с легкостью переносить эти моральные издержки. Но что дальше? Поток по мере приближения к лестницам начинает сужаться. Сбежавшая от него пока еще видна, но о заметном приближении к ней не может быть и речи. Просьба об уступке места в такой ситуации выглядит кощунством. Все куда-то спешат. Да и какой у него повод? Догнать обидевшую его тинейджерку.

Чтобы что?

Еще не зная, что скажет, он стучит пальцем по плечу «пальто». На стук оглядывается дама за 50. Густой макияж. Попытки скрыть ежевечернюю бутылку вермута. В глазах остатки любви, щедро розданной на все четыре стороны.

– Разрешите? Моя девушка, вон, в черной шапочке. Разъединило потоком. Извините...

– Что ж вы, молодой человек? Так и уведут совсем. Потоком... – рисует дама бровями вычурное негодование.

Он картинно вздыхает и, насколько это возможно, беспомощно разводит руками. Дама благодушно качает головой и пропускает его. Протискиваясь вперед, он улавливает – вечерний вермут начинается утром. Теперь нужно сразу, без промедления, идти дальше. По крайней мере, необходимо уйти от «пальто» за спиной. Там поди уже привычный сериал в голове. Грешно разочаровывать любительниц вермута. Но перед ним костюм класса «мерседес 500». В этих-то местах. Так и хочется спросить:

– Какими судьбами, человеке?

Тоже экономит на парковке, не иначе. Он заглядывает «костюму» через плечо и утыкается глазами в ридер. Еще одна странность. «Костюм» читает псалтырь. 118-й. Блаженны непорочные в пути. Одно из двух: или это такая изошренная реакция на теракт, или каждодневное чтение. Впрочем, некогда выяснять. С таким-то текстом грех не помочь ближнему. Он повторяет «костюму» почти слово в слово историю о потерянной девушке. Будучи мгновенно пропущен вперед, осознает – нет, не в теракте дело.

Дальше всё сложно. Перед ним трое. Офисный планктон, с бейджами на шее. Ни вермута, ни псалтыри. Поддельный «Шанель» и контейнер с ланчем в псевдобрендовом портфеле, изготовленном руками пожелавшего остаться неизвестным китайца. В то, что он потерял девушку в пятницу утром, эти ребята не поверят. По пятницам девушки находятся. Теряются они по субботам. В классическом предрассветном динамо.

Но она ведь как-то сумела их пройти. Удачно пойманный момент. Не более. Ему не стоит даже пытаться. Предлестничное сужение в шаге. Эмоции, лишённые нот доброжелательности, растут. Троица займет весь проход. Она через одного за ними. Не критично. Он беспокойно всматривается. Хорошо. Она, похоже, так же прекращает дальнейшие маневры.

JDF в ушах заканчивает славить Марию и без паузы начинает клеить Розину. Очень к месту. «Цирюльник» всегда к месту. Пока по большей части эта партия – мечта. Графское достоинство нужно заслужить. Альмавивами не рождаются. Техника на пределе. На грани возможного. Если без купюр. Уровень даже не Бога. Уровень – кто ты, тварь?!

Мысли о высшем исполнительском совершенстве отвлекают его от неприятного положения, в котором он оказывается, едва поднимается на первую ступень. В узком тоннеле нечего и думать о продвижении вперед. Никто не владеет собой. Сотни тел сжимаются в одного извивающегося в узком проходе червяка, и каждый его сегмент ненавидит другого всем сердцем...

Она выше его на две ступени. Сделав шаг оглядывается. Не видит преследователя. Или делает вид, что не видит. Могла уже и забыть. Невелико событие. Два слова – не повод. Ни для чего и ни для кого. Четыре пальца тем более. Хотя нет – видит. Еще как видит. Задерживает на нем взгляд. Картинно улыбается. Показывает язык. Ему. Именно ему. И тут же, пользуясь

случаем, протискивается ступенькой выше. Он вдоль стены, не без труда, огибает крайнего «бейджа», восстанавливая прежнее расстояние. Но все равно она далеко. И у него есть полминуты до выхода на платформу. Полминуты на то, чтобы обдумать новые слова. Мяч – пройденный этап. Язык – вот тема для высказывания.

Что она со своими пальцами о нем знает? Что умеет? Да кто она вообще такая по сравнению с ним?

Поглощенный конструированием мести, он не замечает, как черная шапочка возобновляет маневры. Да так, что к концу второго лестничного пролета он теряет ее из вида. Тщетно пытается пробраться вперед. Натывается на улыбки и дорожные сумки какой-то туристической группы. Обойти – и думать нечего. Только перепрыгнуть. Зреет, но так и не возникает международный конфликт.

Он выходит на платформу с опозданием от нее минуты в полторы. Кружится на месте. Бессмысленно. Два выхода в разных концах зала и два пути, полузакрытые столбами и арками. Еще и толпа. Обзора нет. Есть цепочка вариантов. И ни один из них не верен. Потому что каждый в одинаковой степени возможен.

Он мало-помалу успокаивается. Садится в ближайший поезд. Включает ридер с нотами. Но не может сосредоточиться. На нотном стане, исписанном когда-то ленивцем Джоакино, назойливыми картинками маячат по отдельности и все вместе «лоскутные» ладони, кочковатые пальцы, траурная шапочка и снуд, смеющийся язык, глаза, пришедшие из Кватроченто...

III

Линер сверлит Белую тяжелым взглядом. Но заведующую реанимационным отделением не сбить с толку. Она прекрасно понимает, что строгость Линер – не более чем маска, надетая вследствие растерянности. Спустя минуту, Белая, так и не дождавшись вопроса Линер, задает его сама:

– Какие будут дальнейшие распоряжения?

Линер дергает головой, будто просыпаясь. Ей трудно сформулировать что-то конкретное. Сложно, оставаясь в рамках логики, реагировать на предельно нелогичное. Но от следствия никуда не денешься.

«Вот только с чего начать? С виновника или экстерьера?» – размышляет Линер, вслух спрашивая:

– Когда вы планируете следующую перевязку? То есть когда в этом будет необходимость?

– С медицинской точки зрения, этой необходимости нет.

– Потому что его нет? С медицинской точки зрения... – язвит Линер и уточняет:

– Тогда почему он в бинтах?

– Вы хотите его раскрыть?

– Нет. Сейчас нет. Но увидеть своими глазами то, о чем вы сказали, рано или поздно придется.

– Хоть сейчас. Только нужны сестры. Пара человек.

– А без них?

– Долго и сложно.

– Не хотелось бы множить круг лиц, которым известно больше, чем нам хотелось бы...

– Я понимаю, но это не пластырь на мизинчик приклеить.

– И я все понимаю, но-о... —

тянет гласную Линер и задумывается:

– Похоже, начать выгоднее будет с экстерьера. Опять же – с чего именно? Климат? Флора? Фауна? Климат необъясним. Нет видимых источников тепла и света. И ладно бы весь город накрыло, а то пару футбольных полей, не больше. Там минус, здесь плюс. Никаких промежуточных стадий. Ни прихожих, ни коридоров. С флорой проще. Она вроде бы обычная. Даром,

что выглядит не по сезону, занимает не обычные для себя места и растет порой в горизонталь. Фауна частично вполне объяснима. Совы те же, скворцы. Но большая часть видов – загадка. Их здесь и летом-то быть не может. Впрочем, на все это нужны экспертные оценки, а не ее «хочу все знать»...

Вслух, чтобы самой успокоиться, раздает указания:

– Так... Перевязку, или как это назвать, пока отложим. Вы собственно пока не нужны.

Если что – я вас вызову. Постарайтесь все-таки навести порядок этажом выше. Хорошо?

– Я, конечно, постараюсь, но как?

– Оставьте тех, кто есть, но ограничьте приток новых. Есть же возможность перекрыть коридоры и этажи.

– Да. Но двери не очень надежны. Нужны люди. И не с голыми руками.

– Они будут. Пока сделайте то, что я прошу.

– Хорошо. Это всё?

– Да.

Белая кивает и идет к выходу. Линер уже в дверях останавливает ее:

– Оставьте историю болезни. Она уже часть дела. Правильнее сказать – его начало.

И напишите ваш номер телефона. Чтобы не ходить лишний раз. Я позвоню, если будет необходимость.

Белая небрежно записывает номер прямо на титульном листе и, отдав папку Линер из рук в руки, выходит. Линер раскрывает было историю, но почти сразу убирает руку.

«Нет, экстерьер так экстерьер. Нужно быть последовательной. Иначе точно с ума сойдешь».

Она смотрит на окна и понимает, что, находясь в палате, лишена какого-либо обзора. Рисунок из бабочек на окнах плотнее некуда. Правда, есть фото и видео, сделанные во дворе. С них можно и начать.

– Глеб, давайте сначала разберемся с тем, что вокруг. Потом изучим, что он там пишет...

Надо узнать в зоопарках, садах, террариумах, не сбегали ли их подопечные. Если сбегали, то в каком количестве и кто именно. Также найдите контакты ведущих специалистов. Не знаю, каких-нибудь орнитологов, энтомологов, лепидоптерологов... Ну, вы меня поняли?

– Так точно.

– Параллельно продолжайте делать скрины. Необходим последовательный текст.

– Есть.

Линер собирает фото и видео, отснятые во дворе, в одну папку. Немного подумав, отправляет ее отцу на «мыло». Звонит:

– Алло, папуль, здравствуй. Я выслал тебе на почту материалы. Необходима твоя срочная консультация. Да, как можно скорее. Кто, что и как это возможно. Это внутренний двор 91-й больницы на данный момент. Там много чего. В том числе и то, что касается тебя. Ну, ты сам увидишь. Все, давай, не тратим время... Да, жду. Звони напрямую. По этому вопросу можно...

Линер убирает телефон и открывает первый скрин.

«Да, непоследовательно, но чего время зря терять? Может, там есть какая-то зацепка?»

Она успевает прочитать пару строк, но тут без стука в палату вваливается начальник ОМОНа города полковник Опалев. Сверкая звездой Героя, он обводит палату холодным, начальствующим взглядом, пропуская Глеба, словно он не человек, а манекен. Имя Линер вспоминает не сразу:

– А... Юлия Владимировна... Вроде...

– Вадимовна.

– Да... Вадимовна... Извините...

– Ничего, Иван Сергеич, бывает... Чем обязана?

– Обязаны... Хотелось бы знать... с какого такого... сюда сгоняют... весь... мой наличный состав... А? Чем вы... тут занимаетесь?

Выбранный Опалевым тон более чем резкий. Майор не полковник, конечно. Но она, а не он здесь главная. Да и компетенция не его. Опалев и его люди что-то вроде облуги, и Линер спешит расставить все точки над «и».

– Я представитель НАК, Иван Сергеич, и не уполномочена давать вам какие-то комментарии. Не ваше дело, чем я тут занимаюсь. Ваше дело – контролировать то, что происходит там, – кивает на окно Линер, не сдерживая ядовитой улыбки.

Опалев на мгновение теряется. Таких улыбок от «фейсов»³² разных уровней («учат их там, что ли, так лыбиться?») он за свою четвертьвековую службу повидал не мало и знает, что к ним нужно относиться серьезно, предельно серьезно. «Фейсы» редко улыбаются. А уж если улыбаются...

Опалев собирается с мыслями и, напряженно подбирая слова, отвечает:

– Юлия Вадимовна, давайте без этого вашего... Ну, вы поняли... Собрали тут... толпу... Пепсами думали справиться? А теперь... «Не ваше дело»... Да... Не мое... Но... Короче... Я должен знать... Что и кого... и главное... во имя чего мы здесь охраняем... Для вашей же... Для нашей... общей пользы... Юлия Вадимовна...

Линер обращает внимание: Опалев говорит с огромными паузами, обрывками фраз. Лицом к лицу Линер сталкивается с Опалевым впервые. Косвенно они пересекались и не раз. В памяти всплывает эпизод в связи захватом театрального центра. Краем уха она слышала, как Опалев раздавал команды своим комбатам. Воспоминание не оставляет сомнений: Опалев, при всей своей суровости, в разговорах с представительницами противоположного пола или по крайней мере в их присутствии не выражается. Именно это правило лишает его речь сегодня привычной связности...

Линер еще раз улыбается. Но уже по другому: без яда, словно благодаря Опалева за неожиданную, выстраданную им галантность.

– Вам необходимо обеспечить безопасность следственных действий. То есть не допустить проникновения сторонних лиц в медицинское учреждение. Особенно это касается данного отделения и данной палаты. Заведующая отделением, Маргарита Анатольевна, уже получила соответствующие указания. Но ей требуются люди. Найдите ее. Она здесь в корпусе.

– Имеются в виду... только собравшиеся вокруг больницы гражданские... или... есть новая информация о лицах, причастных... к вчерашним событиям в метро?

Информация, которую он хочет получить, не для него, но раз уж дело идет к мировой, то можно, краем, ввести в курс дела, решает Линер:

– Точной информации пока нет. Но, возможно, в отделении находится лицо, причастное к теракту. В связи с чем и проводятся следственные действия.

Опалев удовлетворенно кивает:

– Я услышал вас. Ожидать ли... в связи с этим... лицом... прибытия ваших... «тяжелых»?

Новая заявка на конфликт легко улавливается, но Линер спешит загладить углы и здесь:

– Я думаю, нет. Не их профиль. Вы знаете. Наш спецназ другими делами занят. Они не охранники. Но все будет зависеть от развития ситуация и...

– ...Ваших докладов, Юлия Вадимовна.

– Точно так, Иван Сергеич.

Опалев, похоже, находит точку равновесия, но на всякий случай уточняет:

– Хорошо, тогда... каковы... мои полномочия... в отношении уже имеющихся гражданских?

³² Фейсы – обозначение сотрудников ФСБ другими правоохранителями.

– Это не ко мне вопрос, Иван Сергеевич. Это к политикам. С ними и общайтесь. Там кто-то есть?

– Да, Лесков на входе. Изучает окрестности.

«Этот – следующий. И его не отошлешь так просто, как Опалева», – вспоминая роскошные лесковские усы, досадует про себя Линер. Вслух, констатирует без эмоций:

– Вот с ним и общайтесь. Мое дело здесь.

– Хорошо, я все понял. Мы приступаем.

– Успехов.

– Спасибо. И вам.

Опалев поворачивается и берется за ручку двери. Немного подумав, оглядывается и спрашивает:

– А что... вы, Юлия Вадимовна... по поводу всего этого думаете?

– По поводу чего?

– Ну, по поводу вот этого... лета... не пойми откуда... этих... тропиков... в средней полосе... Что известно?

– Это часть следствия. Но пока я не могу ничего конкретного вам сказать. Честно говоря, пока я сама в полном недоумении.

Опалев некоторое время смотрит в пол. Линер кажется, что его мучает еще какой-то вопрос, но он то ли не решается его задать, то ли не до конца его сформулировал. Она пытается его направить:

– Что-то еще?

Опалев, не отрывая взгляда от пола, качает головой:

– Да нет... Чудеса, Юлия Вадимовна... чудеса! – натуженно ухмыляется он на прощание и скрывается за дверью. Но тут же возвращается, просунув голову в дверной проем:

– Да, вот еще... с прессой... Что делать?

– Сюда не допускать.

– В палату или... в корпус?

– Вообще на территорию.

– Ни при каких?

– Ни при каких.

– Это... верно... Юлия Вадимовна... Это абсолютно... верно... А то...

Опалев секунду думает, как завершить начатое предложение, но, видимо, так и не подобрав допустимых для беременной женщины выражений, закрывает дверь на полуслове. Линер в третий раз за время их беседы улыбается и возвращается к скрину.

Текст – диалог. На первый взгляд, пустой треп влюбленной парочки. Им понятно – остальные свободны. Понимайте, как знаете. Правда, участников диалога – ни его, ни ее – объективно не существует. Это люди-ничто. По бумагам – ничто. Как бы – ничто...

Линер пытается читать скрин, но весомые сомнения мешают сосредоточиться, сбивают исследовательский настрой:

«Да и есть ли, что здесь исследовать? И главное – зачем. Если он и она пострадавшие, то что даст этот текст? Что он изменит в их судьбе? И что даст следствию? Ничего. А все, что происходит вокруг, по большому счету к теракту не относится. Нельзя же считать природную и медицинскую аномалию его прямым следствием. Но если принять текст как данность, несмотря на всю его фантастичность, и на секунду предположить, что участники переписки имеют отношение к теракту? Особенно она. Что если между пропавшими останками и фрагментами на этом теле есть прямая связь? Теоретически, да и практически, эта девушка могла быть смертницей. Или их было сразу две... Да, парами они обычно не ходят. Но почему нет? Не успели разойтись или еще что. Увидели толпу и направляющие решили сработать их вместе. Тогда кто он? Не подрывник же... К чему ему самому гибнуть? Какой смысл? В таком визуаль-

ном контроле за исполнителем взрыва нет необходимости. Подрывники-организаторы – люди умные и циничные. Рай всячески пропагандируют, но сами отчего-то туда не спешат. Да, но, может, что-то пошло не так, а он просто сопровождал? Если допустить этот вариант, то текст нельзя читать дословно. В нем должен быть второй план...

Размышления Линер прерывает ожидаемо появившийся Лесков – заммэра по вопросам общественной безопасности. Бывший коллега, подполковник экономического отдела, ушедший три года назад в политику. В отличие от Опалева он стучится, но входит так же, не дожидаясь приглашения. Бросает от дверей:

– Здравствуй, Юля.

Они не то чтобы хорошо знакомы, но встречались. Формат общения на «ты» с учетом «бывшести» – вполне допустимый.

– Здравствуй, Дмитрий.

Лесков, пряча руки в карманы роскошного твидового пальто, косится на Глеба и предлагает Линер:

– Выйдем?

– Можно и здесь. Глеб в теме.

– Как скажешь... Какие есть объяснения того, что происходит?

– Пока, строго говоря, никаких. Но что ты имеешь в виду под «что происходит»?

– Да Бог его знает. Но у нас налицо четыре момента. Учти, у меня, кроме визуальной, информация только из побочных источников... Первый. Не то живой, не то мертвый пациент. Это, кстати, он?

– Он.

Лесков на секунду впивается глазами в палец, скользящий по дисплею и продолжает, профессионально сохранив эмоцию в себе:

– Второй. Поток выздоравливающих. Причем этот как-то связан с первым. Третий. Тропический сад посреди зимы. Четвертый. Толпа людей вокруг больницы, которая поминутно растет. И все это в свете вчерашнего теракта. А это, можно сказать, уже пятый момент, напрямую связанный с первым... Если все это, конечно, увязывать в одну цепочку...

– Все это в одной цепочке.

– Установлено или версия?

– Очень много временных и пространственных состыковок.

– Значит теракт, пострадавший, сад, выздоровления, толпа?..

– Может, и так.

– А что может быть не так?

– Возможно, это не пострадавший.

– Вот как? А почему тогда Опалев, а не... ваши?

– Это версия. Я только начала работу.

Лесков опирается руками о спинку кровати.

– Ну, для города по большому счету все равно, кто он и что он. И вообще, что здесь внутри происходит. Главное – навести порядок на улице. Мой шеф сейчас на совбесе у САМОГО...

Лесков закатывает глаза в потолок.

– ...Но оно и так ясно – какие решения в итоге будут приняты. «Усиление» всех и вся. Ну, и прочая связанная с этим канитель. В связи с этим любые массовые скопления людей исключены. А у нас тут народный сход. По сказочному поводу. Мечта подрывника.

– Так разгоняйте. В чем проблема. Несанкционированно же.

– Есть проблема. Уже навскидку есть проблема.

– А именно?

– Контингент. Старики, женщины, дети. Как на подбор. Через три человека костыли с колясками. Слов не слушают. Хоть матюгальник ломай. А спецсредства могут двухсотыми кончиться...

– Обсуди с Опалевым. Возможно, есть варианты.

– Возможно. Еще пресса...

– Я дала указания никого не пускать.

– Это верно. Но они и на входе мертвого достанут. И мне им говорить что-то надо. А то сами напридумают. Раскрутится веревочка, хрен концов потом соберешь. Да и по должности деться некуда... Тут важно определиться, что нам всем говорить... Чтобы без разночтений... Чтобы вся эта пресса, особенно интернет-дрянь, не злобствовала... Прежде всего, он жив или нет?

– Тебе по медицинскому заключению или на глаз?

– На глаз я и сам вижу.

– По объективным данным, он мертв.

Лесков щурится, поглаживая усы, ухмыляется:

– Ладно, приняли. Но говорим-то мы что?

– Говорить тебе. Ты и решай.

– Отмазалась...

– У каждого своя работа.

– Это верно... Ну, пусть будет жив. Тогда легко будет объяснить изменение состояния в худшую сторону. Обратное – сама понимаешь – более редкий факт. Если вообще факт.

– А что уже говорят?

– «Телики» – показывают окрестности, ждут «официоза». То есть меня. Блогеры – хохмят над «теликами». Реальной инфы ни у кого нет. Создают шум. Ну, как обычно... Так, по нему мы договорились... Жив и точка. Теперь по больным. То есть по исцелившимся больным. От них весь сыр-бор.

– Может, их пока не выпускать?

– Основания?

– Общественная безопасность.

– Это не психиатричка. Здесь нет оснований их держать. Хоспис через дорогу. И там-то держать нельзя, если человек не хочет. Права человека и гражданина.

– Какая беда! – иронизирует Линер.

– Беда, представь себе. ЧП нет и «военки» тоже. АТО³³ не предусматривает таких ограничений на передвижение. И молчать не заставишь. Не гостайна. Вот и полнится земля слухами. Из-за этого и люди на улице. Всякая букашка жить хочет. Значит, надо как-то объяснять. Весь этот поток исцеленных...

– Ну, точных же цифр в свободном доступе нет?

– Предлагаешь официально их снизить до приемлемых?

– Чуть больше обычного и всё.

– Списать на праздники и Рождество?

– Хотя бы.

– Ладно, второй вопрос закрыт. Климат с птичками?

Линер пожимает плечами.

– Во-о-от! У меня та же реакция. А двор заметнее всего. Его не скроешь. С пятиэтажек особо не видно. Но с западной стороны девять этажей. Двор как на ладони. И два въезда. Север и юг. Да что я тебе объясняю – сама видела...

– Мы работаем сейчас над этим вопросом. Пытаемся включить экспертов.

³³ АТО – антитеррористическая операция.

- «Телики» уже нашли.
- Да ну?
- Академик какой-то.
- И что?
- Лепечет что-то, да плечами водит, как ты. Но с более умным видом, конечно... Извини... С кучей слов для избранных. Меня уже просил допустить на территорию. Для полевых исследований. Представляешь?
- Отказал?
- Ну, разумеется. До выяснения обстоятельств. Может, все-таки пустить? Кто знает, может, ясность хоть в чем-то появится?
- Нет. Лишние слухи. Только с большей степенью доверия.
- Тогда что говорим?
- Говорим, что работаем.
- А потом?
- А потом – Опалев – и на карантин. И вот тогда полевые исследования. Если все, конечно, останется как есть.
- Подытожим. Клиент – жив. Цифры по выздоровевшим – обычные. Над пространством – работаем. Параллельно обсуждаем варианты с Опалевым.
- Твой когда будет? – интересуется планами мэра Линер.
- А кто ж его знает? Там «безлимитка». Как САМ скажет...
- Лесков вторично закатывает глаза и смотрит на часы:
- Тридцать пять минут от начала. Не думаю, что больше двух часов. Может, и меньше. Ну, и оттуда пока. Считай два часа есть – это по минимуму.
- Он извещен о сути?
- В общих чертах. Я сам пока здесь не оказался, знаешь, мало чего понимал.
- Будто сейчас понимаешь...
- Ну, ты еще будешь прикалываться... Ладно, пошел на камеры.
- На казнь?
- А то... Не тяни с инфой, если что. Войди в мое положение.
- Как только, так сразу.
- Ну, бывай.
- Лесков сует руки в карманы и, чуть шаркая по полу ногами, выходит. Линер тяжело вздыхает и поворачивается к Глебу:
- Что у вас?
- Второй скрин. Я пометил цветом новый текст.
- Что по экспертам?
- Список есть. Обзванивать? Или? Недавно был ТВ-эфир. Там выступал один из списка.
- В приоритете. Ведущий спец по птичкам.
- Это тот, о ком Лесков говорил?
- Ну, да, наверное.
- А блогеры?
- Одного успел посмотреть. Того самого Dane. Он как раз этот выпуск разнес. Коротко, но в ключья. Там и эксперт есть нарезкой.
- Дайте его мне.
- Бросаю.
- Линер включает видео и невольно вздрагивает, слыша крик кукабарры, не сразу понимая, что это не звук со двора, а позывной Dane.
- Новость дня, как известно, события около 91-й больницы. Там же и главный фейк дня. В первом сегодняшнем включении я уже говорил о высосанной из пальца официальной вер-

сии. Это, похоже, генеральная линия. Ради нее всё. Как вдруг где какая-то непонятка и беспорядки, так сразу легкий вывод – это они всё, те самые. Из пятой колонны. Чего там думать? Что называется – дави эту мразь. Потом разберемся, кто при чем. Пока не давят. Но полковник Опалев с компанией прибыл. Уже занял периметр. Ждет, видимо, указаний. Вот, казалось бы, тема для размышления. Но куда там. Привлечены эксперты. Вы думали политологи и психологи? Да что вы? К чему? Нам же надо с птичками разобраться. Вот заведующий кафедры орнитологии собственной персоной:

«Я, конечно, могу говорить только о том, что касается моей специальности... На территории больницы мы наблюдаем ярко выраженную природную аномалию. Лишь некоторые из наблюдаемых здесь видов птиц могут находиться здесь по естественным причинам. К ним относятся практически все виды сов. Еще как-то объяснимо присутствие аистовых. Но те же стерхи четко привязаны к ареалу обитания, и он, мягко говоря, не рядом. Что до тропических видов, то их нахождение здесь абсолютно необъяснимо. Например, столь массовые скопления попугаев характерны исключительно для тропических широт. Есть, конечно, примеры интродукции³⁴. Можно вспомнить висбаденскую популяцию кольчатых попугаев. Но это явление локальное и развивалось в течение длительного времени, как результат размножения нескольких сбежавших особей. В нашем же случае эти птицы появились здесь в одночасье. Да, попугаи, разумеется, есть в зоопарках и в частном содержании, но не в таком количестве. Поэтому сложно, да и невозможно предположить, что птицы вдруг все разом сбежали от своих хозяев и собрались на одной территории...»

Действительно, невозможно. И какой же из всего этого следует вывод? Вы не догадываетесь? Да элементарно:

«Я предполагаю, что вся популяция была собрана в одном месте и потом интродуцирована сюда целиком...»

Нет, ну какво? Не чувствуете аналогии? «Собрать всех в одном месте...» Вспомним господина Сбитнева немногим ранее: «привлечь к массовому мероприятию», «очередная попытка известных лиц раскатать ситуацию...» А за спиной эксперта – толпа в расфокусе... Генеральная линия в действии! Собрали и свезли. И ведь не единственная параллель:

«Обращает на себя внимание поведение птиц. Они молчат. За исключением периодически кричащей кукабарры. Хотя большая часть видов отличается, скажем так, крикливостью. Те же попугаи и в обычной среде обитания, и в домашнем содержании очень шумны. Здесь же... Какое-то подчеркнутое молчание... Я пока не могу объяснить его причину...»

Молчат и люди вокруг. Редкий шепот и детские возгласы. Не очень похоже на акцию протеста. Но это же «подчеркнутое молчание», господа! Подчеркнутое, Карл!

Итак, неважно, с кем и где вы собрались. Неважно, говорите вы или молчите. Смотрите на львенка или на солнышко. Вы виновны. Виновны просто потому, что собрались все вместе и на это вам не было дано разрешения. И если вам кажется, что вы не виновны – не обольщайтесь. Когда-нибудь все изменится. Ибо вы виновны не потому, что собрались – здесь или там, – вы виновны просто потому, что вы есть...

Линер выходит из блога. Ее в который раз поражает способность «нэтовских» либералов делать из мухи слона:

«Инфы – ноль. А столько праведного гонора. Даже если „телики“ и крутят что-то подобное, сам-то ты что знаешь? Уж не больше, чем они. Только и можешь, что поливать дерьмом чужое. Не великое искусство. И да, у них линия. А у тебя не линия? И кто тебе сказал, что она верная? Что она – лестница в небо, а не в подвал? Кто тебе сказал, Карл?»

³⁴ Интродукция – переселение особей какого-либо вида животных и растений в новые места обитания.

Звонит отец. Быстро он разобрался. Голова в полном порядке. Только голос выдает старика:

– Юля, доча, я все посмотрел, слушай. Я сначала пройдусь по видам, а уже потом обсудим, возможность их появления в городе. Согласна с таким раскладом?

– Нет, лучше уж сразу и виды, и их возможность.

– Ну, как скажешь. Итак, виды в основном других биотопов. Есть и наши, но их меньшинство. Ты, я думаю, заметила крапивниц, адмиралов, махаонов, лимонниц. Ну, и прочее. Только махаонов тут быть не должно – слишком сухо, и, как правило, их не бывает в городе. Остальные – вполне. Смушает концентрация и в целом количество. Да и не сезон. Что да залетных, то там, у себя, многие из них круглогодичны. Особенно те, что с экватора или рядом с ним. Орнитоптеры, например. У нас они есть единично в отдельных коллекциях, но, конечно, не в таком количестве. С морфо та же история, а их у тебя завал просто. Будто на месте была закрытая популяция. Откуда только? Категорически не их ареал. Но преобладают, ты и сама, думаю, обратила внимание, монархи. Вот они-то как раз теоретически возможны. Их порой заносит ветром через океан, но все-таки не на такое расстояние и не зимой, разумеется. Даже в их зиму, крайне умеренную, они не летают, а сидят на деревьях. Кстати, сидят так же – сплошным ковром. Но теоретически, повторюсь, их присутствие как-то еще можно объяснить. Далее – совки. Мелкие почти все наши. Не сезон, но вполне себе могут быть. Странно, что днем летают. Не должны. А вот совки агриппины – опять же загадка. Их, насколько мне известно, нет в городе. То есть предположить побег невозможно. А их на воротах навскидку несколько десятков. Совершенная загадка, Юля. Но главное не это. Главное – сквер и аллея.

– А что там такого? Белянки как белянки...

– Вот, я тоже так сначала подумал, а потом присмотрелся... До сих пор руки дрожат, прости...

– А что там такое?

– Открой снимки... Нашла?

– Да... Секунду... Ну и что?

– Смотри, в левом углу кадра, вверху, увеличь, если плохо видно... Увеличила?

Линер увеличивает фото и вздрагивает. Отчетливо видна утренняя гостья.

– Да, вижу. И что?

– Юля, это с ума сойти! Это невозможно!

Отец прямо кричит в трубку. Очень для него нехарактерно. И ведь непонятно с чего.

– Обычная белянка. Разве что заметно больше остальных...

– Да при чем тут размеры! Ее не может быть, потому что ее просто нет.

– Пап, объясни, я не понимаю. Что значит «нет»?

– Юля, это большая белая бабочка Мадейры.

– И что? Не тот ареал, климат, отсутствует в коллекциях?..

– Ее вообще нет.

– Такая редкая?

– Да как ты не поймешь! На данный момент ее вообще нет в природе. Они вымерли где-то лет десять назад.

– А в зоо? В домашнем содержании?

– Нигде. Только сухие в коллекциях. Но эта-то летает! Я фото увидел и не поверил. Видео поставил. Летает, Юля! Она жива! Ты понимаешь, жива! Это сенсация, Юля! Я уже собираюсь выезжать...

– Пап, ты что? Куда выезжать?

– К вам. Куда же еще?

– Постой, объект закрыт для посещений. Тем более по такому поводу.

– Ничего этому объекту от одного генерала в отставке не сделается. А то и в другом чем помогу. Но пропускать такое я не намерен. И не отговаривай. Всё! Консультацией удовлетворена?

– Да.

– То-то. Я позвоню, как буду на месте. Работай!

В голосе отца уже не слышно старичка. Вполне себе генерал при делах. Куда тут возражать. Как и не слышит. Вот не было других проблем. Еще одна появилась. Он ведь действительно приедет. Чего доброго и в дело влезет.

Линер встает и подходит к дальнему окну. Оно выходит в сквер. Рассмотреть что-либо сложно. Мешает слишком плотный узор из бабочек. Да и далеко. Она возвращается на место.

– Ничего не видно. Такие вот занавески. Они все как будто охраняют это тело...

Глеб отрывается от ноута:

– Уже и тут.

– Что тут?

– Охраняют.

Линер отслеживает взгляд Глеба и только теперь замечает на левом плече пишущего большую белую бабочку Мадейры.

– И давно она здесь?

– Я только вот обратил внимание.

Линер осматривается.

– Как? Все очень плотно. Двери, окна.

– Сколько людей заходило...

– Да, верно. Занесли... Как бы ее поймать, Глеб?

– Зачем?

– Да, нужно тут одному знакомому лепидоптерологу.

– Она живая ему нужна?

– По возможности.

– А может, его дожидаться? И он сам. Куда она теперь денется?

– У меня есть ощущение, Глеб, что все это в один прекрасный момент может исчезнуть – так же неожиданно, как и появилось, и нас не спросится. Надо ловить момент. Потом может быть уже поздно.

– Руками?

– Не думаю.

Линер снимает халат. Склоняется над телом и резким движением, напоминая жест матадора, пытается накрыть бабочку халатом, но та в последний момент успевает вспорхнуть и отлететь к окну. Линер идет следом. Бабочка садится на стекло. Линер на цыпочках подбегает ближе и делает вторую попытку набросить халат. На этот раз удачно. Приподнимает краешек ткани.

– Бред!

Линер смотрит в окно. Большая белая бабочка Мадейры удаляется в сторону сквера. Линер машинально касается пальцами стекла. На месте. Бабочки с той стороны окна как будто на мгновение расступились, пропуская беглянку. Образовавшийся просвет мало-помалу заполняется полупрозрачными гретами ото³⁵.

IV

Ее жизнь – как и у всякого скалолаза – это пальцы. Они будят ее каждое утро. Нюют с вечера. Мешают уснуть. Зато помогают проснуться. Каждое утро в 7.50 боль становится

³⁵ Грета ото – вид бабочек семейства нимфалид.

нестерпимой. Будильник – лишнее. Она не понимает, как можно долго валяться в постели. Это ведь просто-напросто больно...

Кисти и пальцы разминаются в первую очередь – еще лежа. Она поднимает руки над собой и крутит кисти, собрав их в замок. Затем вытягивает каждый палец по отдельности. Снова возвращает кисти в замок, добываясь за пару минут столь нужного им тепла. Одновременно делает ногами «велосипед» – живот тоже требует внимания. Оформленный подчеркнутыми квадратиками, он одна из немногих частей тела, которая почти лишена ушибов и растяжений. По сравнению с руками и ногами живот выглядит не нюхавшим жизни пижоном. Но и он не болит – пока что. У него своя боль – цена идеальной формы. Каждая из пяти серий упражнений на пресс делается до отказа. Утром помимо прочего он отвлекает от пальцев. Так одна боль спасает от другой...

Спину и плечи, в отличие от живота, с утра не надо напрягать. Их надо, как пальцы, тянуть. «Кошка» делается четыре раза. Не удержавшись – «кошка» приятна! – добавляет пятый. Затем шестой. Это не слабость. Она просто не любит нечетных чисел. Как и высоких кроватей. С них больно скатываться на пол. Ее кровать даже и не кровать. Это водяной матрас, брошенный на пол. Он с легким, булькающим в оболочке волнением отпускает ее.

Она ложится на спину и выпрямляется на полу, насколько это возможно, так что кажется себе длиннее на десяток сантиметров. Голова кружится. Белый потолок на секунду расплывается перед глазами. Она с усилием и не без удовольствия фокусирует взгляд. Эта вторая за утро «приятность» не должна продолжаться слишком долго. Отец говорит:

– Приятное – ложь. Боль – истина.

Глубокий вдох, переворот на живот, выход в упор лежа, тут же в упор, присев, и из этого положения резко, прыжком на ноги. Весь этот утренний ритуал давно неизменен. Еще более постоянен тысячилетний крутой изгиб реки за окном. Каждое утро Чарли посвящает ему три минуты у окна. Все одно то же. В который раз по весне побелены стены монастыря на другом берегу. Все та же вода. Ее постоянство притягивает и завораживает. А вообще-то вода – ненавистна. Но она есть всегда. Как и небо. И камни. Камни. Конечно, камни.

Она помнит реку с раннего детства. Мама подходит к окну с ней на руках. Река для нее тогда еще и не река вовсе. Она – огромная серо-зеленая полоса воды, уложенная в камень. Во время прогулок, случается, мама подходит к реке совсем близко. И тогда девочка плачет. Река пугает ее. И отношение к ней с возрастом не меняется. Она по-своему любит реку. Но издалека. Избегает набережных. А если все-таки оказывается там, то всегда идет ближе к проезжей части – подальше, хотя бы на метр, от воды. Отдельный разговор – мосты. Они и притягивают, и отталкивают ее. Сами по себе они прекрасны. Не раз и не два Чарли прокладывает по некоторым из них скалолазные маршруты. Рельеф мостов особенный. Передвижение по ним имеет в ряде случаев свои сложности. И вода поблизости – самая главная из них. Однажды она случайно натывается в Сети на статью о том, как осушаются реки. С интересом читает где-то до середины, но потом ее осеняет – без реки не будет и мостов – и она закрывает страницу. Тут же понимает, что ее страх – лишний повод пройти по маршруту. Задача как бы удваивается: непростой рельеф умножается на боязнь воды. Чарли ждет шестнадцатилетия. Оно скоро. Тогда административный штраф будет платить она, а не родители. Зачем их вмешивать в преодоление своих внутренних стен. Они ее и ничьи кроме.

От реки и нелюбовь к воде вообще. Она соприкасается с ней лишь при крайней необходимости. Матрас, например. Вода в оболочке. Что может быть лучше? Что до прочего, то ежевечерние детские купания ужасны. Да и сейчас ее душ длится не больше пары минут. Такая редкостная для девочки экономия воды и мыла – повод для шуток домашних. Мама зовет ее экологом. Папа кочевником. Она категорически не соглашается с этим. Достаточно и одного прозвища, которое она получила за свою необычную, вполне себе киношную походку. Ее зовут – Чарли. Другого не надо. Она – Чарли. И только Чарли.

То, что она и сама уже много лет подобна воде, Чарли не замечает. Устоявшийся с шести лет режим не сковывает. Напротив, сейчас, почти десять лет спустя, Чарли и представить себе не может, как можно жить по-другому. Это Ashima³⁶ – ее главная соперница – может быть просто девочкой. У Чарли нет такого раздвоения. Она всегда и везде одна и та же. И даже эти минуты у окна – составляющие распорядка дня, а не девичья прихоть. Чистого созерцания в них нет. Оно короткое отступление в череде обычных мыслей об одежде, обуви, нюансах сегодняшних тренировок, и, конечно, о готовящемся воскресном выезде на боулдеры³⁷ в карьер.

Последнее волнует ее на этот раз больше всего. Причина – неопределенность. История давняя. Одну ее на эти камни не пускают – боятся. Не из-за высот. Они в основном незначительные. Да, и она берет с собой крэшпэд³⁸. Причина волнений старших – лесопарк вокруг. И пьяные компании – полбеда. Два года назад там всем миром поймали какого-то маньяка. На нем десять девочек не старше пятнадцати. Так что родителей Чарли можно понять.

В это воскресенье, по разным причинам, пойти вместе с ней из клуба никто не сможет. Еще вчера она разместила пост на стене. Пока тишина. Лайки, не более. Без комментов и предложений. Вариант – соврать и поехать одной. Но папа – хитрый лис. Он мало того, что каждый раз, пусть и мельком, интересуется, с кем именно она собирается ехать, так еще и требует видеоотчет хотя бы части подъемов. Говорит, для анализа.

«Ой ли?»

Можно, конечно, исхитриться и снять что-то на смартфон, поставив его между камней, но по идеально статичному кадру сразу будет понятно, что оператор отсутствовал...

Впрочем, пока нечего париться. Впереди еще двое суток. Нужно только чаще обновлять пост на стене.

«Не может быть такого, чтобы никто не откликнулся!» – подводит Чарли итог утренней трехминутке и через длинный коридор, в котором никогда не выключается свет, идет в ненавистный душ.

Коридор – «аллея славы». Фото членов семьи. Кубки на полочках. Медали на гвоздиках. Победы и призовые места. Львиная доля трофеев – заслуга Чарли. Она звезда семьи. С недавних пор и основной источник дохода. Спонсорские контракты (бумаги она не читает, только подписывает) по большей части принадлежат ей. Сколько там чего – она не знает. Ее, по правде говоря, это мало интересует. Мысли о деньгах умещаются в ближайший день. А суточных более чем достаточно. Расходы невелики. Дорога в клуб и обратно. Обычно метро. Но можно и на такси, если очень устала. Питание. Фреши, смузи, питательные батончики, редкий – через день – диетический бургер в клубном буфете.

Каким образом на столе появляется еда дома, Чарли понятия не имеет. Плиту она не зажигала ни разу в жизни. Кухонные навыки Чарли ограничиваются микроволновкой. В отделениях холодильника она путается. А в многочисленные кухонные шкафы и шкафчики никогда не заглядывает.

Что до прочего, то в снаряжении ограничений нет. Стопроцентная скидка по контракту в трех магазинах. Ее покупки там – это по сути и не покупки, а требование бесплатной доставки. Соревнования – выезд, проживание – также полностью оплачиваются. Жизнь Чарли – глобальное «все включено».

³⁶ Ashima – Ашима Ширази (Асима Сираиси, род. 3 апреля 2001 года) – американская скалолазка японского происхождения. Известна прохождением сложных маршрутов в очень молодом возрасте.

³⁷ Боулдер – (от англ. *boulder*) валун. *Bouldering* – лазание по валунам. На скалодроме боулдер – короткая предельно сложная трасса.

³⁸ Крэшпэд – переносной страховочный мат.

Ее максимально изолируют от бытовых проблем, оставляя наедине с единственной задачей – подняться и не упасть. Трассы меняются. Задача неизменна. Что до сопутствующей всему боли, то боль – не проблема. Боль – не только истина. Боль – жизнь.

В ванной Чарли долго спускает воду. Дом старей. Горячей воды приходится ждать долго. А если и лезть под эту жидкую гадость, то почти под кипятик. Холодная и даже теплая вода – омерзительна. Такую воду можно только пить. И только когда под рукой нет сока или йогурта. Горячая вода не так противна, но и с ней Чарли общается недолго, оставляя после себя в ванной густой, почти банный пар.

К пару у Чарли компромиссное отношение. Она любит сауну и даже хамам. Они – лучшее восстановление. Но пар – та же вода. Пар – обман. Он в этом смысле похож на снег. Два обманщика в разном обличье. Снег Чарли нравится больше пара. Он красиво падает. Укрывает и обездвиживает вместе со льдом ненавистную реку. Снег и лед всем хороши, но до тех пор пока не начинают таять. С этого момента они – самая плохая вода. У них не получилось. Они сдались. Они перестали быть самими собой.

Не спеша почистив зубы, Чарли, завернутая в полотенце, возвращается в свою комнату. Необходимая на сегодня одежда аккуратно сложена на стуле. Как она там появляется – для Чарли визуальная загадка. Понятно – это дело рук мамы. Но заставить ее за этим делом никогда не удастся. Есть предположение, что мама приносит одежду ночью. Чарли пыталась – и не однажды – дожидаться ее прихода, но всякий раз не выдерживала и засыпала.

На стуле носки, белье, майки, шорты и трусики. Все в двух-трех экземплярах. У Чарли есть возможность в течение дня несколько раз переодеться. Толстовка или куртка – на выходе. Их выбор – право Чарли. Шапочка и снуд – неизменны. Они в шкафу, на отдельной полочке. Чарли надевает их в первую очередь, едва скинув полотенце. Кто поднимает полотенце и уносит в ванную – еще одна загадка. Но после завтрака его в комнате уже нет. Чарли пытается следить за мамой. Тщетно. Полотенца нет на полу, даже когда мама, казалось бы, совсем не выходит из кухни.

Снуд надевается первым. Индивидуальный размер. Ручная работа. Шелк. Он не снимается до ночи ни при каких обстоятельствах. Снуд в трех идентичных экземплярах. Один на ней. Один – дома. Еще один в сумке в боковом кармане. На случай какой-то аварии с основным. Хотя такого еще не случалось. Но береженого Бог бережет. Любимая папина поговорка. Он мелко крестится перед каждым восхождением. Но в церковь не ходит. И то и дело троллит монашек из монастыря напротив. Скала – его священник. Магnezия – его молитва.

Снуд прикрывает шею почти целиком. Операционные шрамы укрыты с запасом. Но в течение дня Чарли частенько подходит к зеркалу – и вовсе не для того, чтобы полюбоваться собой.

Шапочка, как и снуд, выполнена по индивидуальному заказу. Эксклюзив появляется в гардеробе Чарли после первых профессиональных контрактов. До этого момента серийная одежда доставляла Чарли массу неудобств. Шапочки то были малы, то велики, то не прикрывали уши, то топорщились сверху как петушиный гребешок... И это при полном отсутствии волос на голове и теле, убитых безвозвратно за одиннадцать лет до этого химией и рентгеном. Спустя полгода ее приведут на скалодром просто развеяться. Когда-то часть терапии. Теперь – профессия.

Стоя у зеркала, Чарли дольше всех надевает шапочку и снуд, тратя на них больше времени, чем на весь остальной гардероб. Все прочее оказывается на Чарли быстро, будто одним ловким движением. После чего она еще раз правит шапочку и снуд. Они здесь главные. В сущности без всего остального можно обойтись, но не без них.

На кухне старшие братья-погодки запивают яичницу литрами томатного сока. Высокие, кудрявые, с неимоверно длинными, прямо ондровскими руками³⁹ – они само совершенство на коротких боулдерах. Рукоходы, дино⁴⁰ и качи на одной руке – их конек. Но длинные трассы братья «читают» плохо и относительно быстро «умирают». На каждом – ни грамма лишнего веса, но куда деть кость? Трудность⁴¹ не для них. Это «фишка» Чарли. Боулдеры, которые для братьев предел возможностей, для нее – загородная прогулка. Братья исчерпали свой потенциал. Пределы возможностей Чарли едва-едва обозначаются. Отсюда их отношение к «мелкой». Сдержанная профессиональная зависть, прикрытая братскими улыбками и мужской почтительностью.

Они так и встречаются ее, сидя на кухне, двумя парами сияющих глаз. Напрасно. Чарли здороваается не глядя. Почти отвернувшись. Они не обижаются. Привычка. Отслеживают ее променады вокруг стола и корчат друг другу многозначительные рожи, будто в кашу Чарли подмешано что-то кроме постного масла и сухофруктов. Чарли застает их лица уже без гримас, желает приятного аппетита, после чего не обращает на братьев никакого внимания. Следующий ее взгляд в сторону братьев фиксирует напротив себя опустевшие стулья. Братья – технологи-проектировщики. Один строитель. Другой электрик. У них нет профессиональных контрактов. Но есть образование. Им недостаточно девяти классов Чарли. И это уже ее повод для зависти, о котором ни братья, ни родители не подозревают.

В течение завтрака мама находится здесь же рядом, у плиты. Она ничего не ест. Только накрывает на стол и убирает грязную посуду. Иногда что-то еще готовит, ловко орудуя любимыми китайскими ножами-топориками. Чарли вообще не помнит, чтобы мама при ней когда-либо что-то ела. И в обычные дни, и в праздники это редкое явление. Она кормит всех домашних, но почти не ест сама. Чего не скажешь об отце. Он появляется сразу после ухода братьев. Пол-литровая банка его любимой красной фасоли с наипротивнейшим горчичным маслом и черным перцем сегодня исчезает за пару минут. И это не рекорд. За ней следуют двойные тосты с ветчиной и салатом, стакан минералки и какой-то японский чай.

Чарли, напротив, ест медленно. Чайной ложкой. Да и ту задействует наполовину. Кусочки бананов и цукаты отдельно. По одному. К окончанию завтрака успевает их все сосчитать. Результат, перед тем как приняться за какао, Чарли объявляет маме. Это их ежеутренняя игра. Мама говорит, что кладет сухофрукты на глаз, но Чарли подозревает ее в точном расчете. Каждое утро цифры подозрительно сходятся. Разница максимум несколько штук. Что вполне объяснимо для сушеных бананов, но так на глаз попадать с цукатами вряд ли возможно. Мама стоит на своем. Игра продолжается.

Допив какао, Чарли ограничивается благодарностью. Мытье посуды – еще одна немислимая для нее вещь. Чарли лишь теоретически представляет себе, как это происходит, но никогда не проверяет теорию на практике. Даже и не пытается. Ее никто и не просит.

Вернувшись в комнату, Чарли устраивает странный для стороннего взгляда выбор скальников⁴² для сегодняшней тренировки. Ибо процедура всякий раз заканчивается одинаково: определив пару фаворитов и аккуратно уложив ее в рюкзак, Чарли, после секундной паузы, бросает туда же бесформенной кипой и остальные три пары. Тот же процесс «отбора» проходят напульники. И только кеды для зала одни. Потому что они одни. Выбора нет. Вторую

³⁹ Адам Ондра (род. 5 февраля 1993 года) – чешский скалолаз. Прошел больше ста маршрутов категории 9a и выше. Первым в мире прошел маршрут категории 9b+.

⁴⁰ Рукоход – трасса, которую проходят только на руках. Дино – в скалолазании динамический перехват-прыжок.

⁴¹ Трудность – вид скалолазания. Имеет цифровое и буквенное обозначение уровня сложности маршрута. Существует десять основных квалификационных систем трудности. Чарли мыслит французской системой, которая предусматривает рост уровня сложности от 2 и далее. С дополнительным членением внутри цифры на уровни a, b, c и подуровни, обозначаемые знаком +. На 2016 год максимальная пройденная сложность – 9b+.

⁴² Скальники – специальные туфли для скалолазания.

неделю Чарли забывает их заказать. В интернет-магазине она незаметно оказывается на странице со скальниками, вместо того чтобы заниматься покупкой дополнительной пары кед. Так скальники множатся еженедельно.

«Сколько их там еще в тумбочке прихожей?»

Одна мама знает. А кеды одни. Сегодня в метро предстоит очередная попытка спасти их от одиночества.

Собрав все необходимое, Чарли пока не закрывает сумку. Еще предстоит взять питательные смеси у мамы. Три-четыре – по погоде – стограммовых бутылочки для разового употребления. Домашние йогурты с разнообразными добавками. Чарли, кажется, уже перепробовала бесчисленное множество сочетаний зерновых и фруктов. Но мама непобедима – хотя бы одна бутылочка нет-нет да и поставит Чарли в тупик. Ей остается лишь спрашивать вечером: что это было? А на завтра вновь удивляться.

Бутылочки с йогуртом – сегодня их четыре – значит, на улице прохладно – ждут на тумбочке. Они помещены в специальный кейс, чтобы не искать потом, выворачивая все содержимое рюкзака наружу. Мама помещает его поверх одежды и обуви, делая вид, что не замечает царящего в рюкзаке хаоса. Чарли тем временем выбирает толстовку. История, достойная скальников. Но здесь действительно предстоит сделать выбор. Здесь Чарли редко обходится без помощи мамы. Вот и сейчас, уложив йогурты, мама, с минуту понаблюдав за колебаниями дочери, кладет руку на огненно-белую с высоким, стоячим воротником и плотными рукавами-напульсниками. Мама любит все белое. Эта еще и самая теплая. Как тут не согласиться.

Остаются кроссовки. Но их уже нет сил выбирать. Чарли почти не глядя сует ноги в первые попавшиеся, забирает из рук мамы рюкзак, на отлично исполняет дежурные троекратные «чмоки» и, уже приоткрыв дверь, встает на цыпочки и хватает с полки теннисный мяч.

На улице свежо. Чарли поднимает воротник. Мама бы порадовалась. Но недолго. Спустя сотню метров Чарли согревается и возвращает воротник в исходное положение. Не зима. Апрель – начало скального сезона. Скалодром за зиму, несмотря на частые выезды за рубеж, успевает достать. Воскресный карьер не выходит из головы. Чарли проверяет пост на стене. Ничего. Обновляет. Есть время. Есть...

До метро четырнадцать минут дворами. Время давно просчитано. Сбоев не бывает. Мешают только птицы. Завидев любую, Чарли всякий раз притормаживает или вовсе застывает на месте и напряженно, не без надежды, вслушивается – до тех пор пока птица не улетает прочь.

С поправкой на птиц, даже зимой, с ее снегом Чарли легко укладывается в сроки. Дорожки причудливо петляют от одной детской площадки к другой. Конечная точка одна, но конкретный маршрут всякий раз другой. Как и в случае со скалой Чарли с первого взгляда безошибочно определяет путь кратчайший и удобнейший из возможных. Зимой она учитывает параметры льда и снега, работу дворников, летом дорожные работы, весной и осенью – грязь, в любой сезон – собачников и брошенные как попало авто.

В это утро птиц на ее пути нет. Как вымерли. Даже голуби редки. Но Чарли они не интересны. Она знает – они не поют. Только курлычут. Собак почти нет. Толстая, плывущая на брюхе такса, которая прогуливает долговязого ботана, не в счет. Автовладельцы удивительно законопослушны. Только грязь обычна. Ее не больше и не меньше. Она как всегда. Кроссы привычно чавкают и брызгаются. Так будет почти до метро. Другой бы сделал шире шаг, но не Чарли.

Привычка не ступать широко и контролировать постановку ноги не отпускает Чарли и в обычной жизни. Чарли всегда ходит медленно, внимательно глядя под ноги. Откуда взялся чаплинский разворот стоп – понять сложнее. Но и он наверняка как-то связан с притиранием стоп к рельефу, со стремлением дать опору наибольшей площади, в конце концов не упасть и подняться как можно быстрее.

Это версии отца. Чарли нет дела до них. Она ходит, не задумываясь о том, как это делает. Так же как лазает. Тем более что бегают она как все. Без чаплинского мельтешения и развернутых стоп. Поэтому, если ей по каким-то причинам нужно ускориться, она предпочитает не пытаться идти быстро, а сразу переходит на бег. Отсутствие средней скорости накладывает отпечаток на ее редкие прогулки с родными. Чарли или безнадежно отстает через сотню метров, или убегает вперед. Впрочем, такие прогулки редки и коротки. Последняя памятна. Прошлым летом, в окрестностях того самого карьера, Чарли отстает и теряется в вечерних сумерках. Когда ее находят, выясняется, что она осталась вблизи лагеря, примерно в пятидесяти метрах. А все из-за того, что по рассылке ей приходит новое соло какого-то сумасшедшего с Йосемита⁴³. Она начинает смотреть его на ходу, невольно повторяя движения рук и ног солоиста. Вскоре Чарли совсем останавливается и вплоть до возвращения родных взбирается на воображаемую стену.

На одиннадцатой минуте Чарли покидает дворы. Через парк, с островом посреди пруда, она выходит на проспект. Здесь чище. Но больше людей и машин. Новострой чередуется с прошлым веком. Плитка у метро сменяется булыжной мостовой. В толпе Чарли чувствует себя органично. Крейсерские скорости окружающих совпадают с ее «стремительностью». А порой даже и ей необходимо притормаживать. Развернутые наружу стопы идеальны для пяток впереди идущих. Они никогда не сталкиваются. Чарли включает автопилот. Спуск. Пять станций по кольцу. И дальше пара по радиусу. Пять дней в неделю. Отработано до автоматизма. Можно заняться кедами.

Чарли не выбирает вагон и не рассчитывает свое в нем местоположение. Почти не смотрит по сторонам. Сеть – лучшее место пребывания в эти минуты. К переходу на кольцо, забитое пассажирами, кеды выбраны и заказаны. Теперь можно копать в скальниках. Любимое занятие. Чарли вертит фотки, смотрит видео в 3D. Подошве особое внимание. Ткань сверху – броская этикетка, никакой роли в подъеме не играющая. Новички цепляются за нее. Им нужен вид, а не суть. Признак лоха. Того, кто ходит, но не поднимается.

Вскоре Чарли понимает, что сегодня в метро всё, не как всегда. Такой давки не бывает даже по понедельникам. И вообще как-то неуютно. Она прыгает на новостной сайт. Натывается на молнию сверху страницы. Прочитав, оборачивается. Пути назад нет. Но движение как раз в ее сторону. Да, в разы медленнее, чем обычно, но туда, куда нужно. Она еще не опаздывает.

«Да и к кому?»

Утренняя тренировка – она сама себе тренер. Нужно только успокоить своих. Конечно, на той взорванной станции ее в такое время никак не может быть. Но в такой ситуации лучше не молчать. Она набирает сообщение и рассылает его. После чего возвращается на страницу магазина. Но чувство неуютности не покидает. Постепенно шаг за шагом нарастая. Источник неприятного чувства – Чарли не сразу это понимает – находится слева и сверху. Они идут плечо в плечо, хотя это и не совсем так. Ее макушка едва достаёт до его плеча. Он раза в два крупнее и больше. И совершенно беззастенчиво пялится в ее смартфон. Пальцы жжет от его взгляда.

«Что он в них, сука, нашел?»

Приходят ответы – в основном смайлы – от семьи и знакомых. Многие, например братья, погрязшие в чертежах и расчетах, еще не в курсе случившегося. Родители уточняют местонахождение и настойчиво требуют возвращаться вечером на такси. Чарли обещает. Чувствует, как вслед за пальцами начинает жечь лицо. Понятно. Тот, сверху, пялится на ее фото на аватарке – подарок девушки старшего брата, занимающий почетное место на «аллее славы». Фоткаться Чарли не любит. Фотосессии на соревнованиях для нее пытка. Но дипломированному инструктору по йоге она отказать не может. Фотография – ее хобби. Потому, наверное, дей-

⁴³ Соло-восхождение (фрисоло) – стиль скалолазания, предусматривающий подъем на топ без страховки. Йосемит – Национальный парк в Калифорнии. Известен многочисленными и популярными скалолазными маршрутами.

стует не как все. Оставляет на своих местах шапочку и снуд. Не требует пресловутого «чиза» и всю сессию говорит про какое-то «кватроченто»...

Чарли уходит в магазин. Но с лицом ничего не меняется. Оно горит. В довершении всего пальцы уже не жгут, они болят и даже не как утром, а по-вечернему. Чарли поднимает взгляд.

Дорогущие наушники, смешная марлевая повязка, четыре пальца на две руки.

«Да он просто урод какой-то, – думает Чарли. – Четыре пальца. Не вытянет и простейший траверс⁴⁴. Еще такой крупный. Было бы и десять на руках – не вышел бы. Не то что в четыре. Лох. А смотрит так, будто он центр вселенной».

Вернувшись на свою страницу, Чарли тем не менее разворачивает смарт от назойливого взгляда слева. Нечего потакать. Машинально заказывает очередные скальники. Подтвердив заказ, понимает, что приняла сейчас что-то вроде успокоительного. Не работает. Пальцы так же ноют, а лицо горит. И выход, похоже, один – каким-то образом пробраться вперед. Задача по крайней мере на 8b. Было уже. Но там другая стена. Никого вокруг. Только отец на нижней страховке. Мама с камерой на топе⁴⁵. Братья снимают общий план. Второй спонсорский контракт. Источник теперешнего бытия.

Чарли присматривается и с трудом находит просветы в толпе впереди себя. Для нее как раз хватит. А вот для него – без шансов. Она убирает смарт и сосредотачивается на мяче, ожидая удобного момента. Вдруг ощущает резкий воздушный поток слева-сверху и инстинктивно отшатывается в сторону. Оборачивается. Повязки нет. Улыбается. Идиот. Он на что-то рассчитывает. Пальцы воют. Самое время размять их. Хоть как-то успокоить.

«И эту тварь в наушниках усмирить. Чего он их на шею сбросил? Ответа ждет? Лови!»

Пальцы двигаются поначалу через боль, но постепенно разогреваются. Приятное тепло разливается по ним волной. Вторая кисть, отдав мяч первой, играет, как поет. Она видит, как мрачнеет его лицо. Он все понял. Кто и что он. Ну, хоть и лох, но не дурак. Отворачивается.

«Заплачет еще, тряпка», – с отвращением думает Чарли, протискиваясь вперед, и утыкается в спину дамы в бежевом пальто. На минуту остается в этой позиции и повторяет операцию, едва не ударившись лбом о чей-то ридер. Впереди компания «планктона» в фирменной одежде. После короткой паузы огибает их слева, вдоль стены. И всё. Есть отрыв. Можно не спешить. На третьей ступени Чарли оборачивается на всякий случай. Вот он. За «планктоном». Не отстаёт.

– Как успокоить?

Решение приходит спонтанно. На параллельных трассах она порой ловит момент и показывает сопернице язык. Пару раз ее чуть не снимают за неспортивное. Здесь некому снимать. Да и правил нет. Язык – лучшее средство...

Чарли видит, как он, словно те девочки на рельефе, теряется и проигрывает окончательно. Но лучше уйти от него подальше. Раненый зверь вдвойне опасен. Он повторяет движение вдоль стены еще три раза. Третий раз особенно труден. На крайней лестнице группа туристов-немчиков.

Чарли прыгает, зацепившись за полку, в сантиметрах от чьих-то ног. Пожалуй самый необычный дино в ее жизни. Встав на ноги, Чарли контрольно оборачивается.

«Потерян. Круто. Забыли».

Только выйдя из метро, Чарли отмечает, что если пальцы вернулись в норму, то лицо нет. Такое ощущение, что на нее по-прежнему внимательно смотрят. Чарли списывает все на духоту перехода и сосредотачивается на плане сегодняшней тренировки. Она всегда читает его на ночь. Пробегаёт глазами с утра. Пять дней в неделю. Две части. Утро и вечер. Не уходя из зала. Нет смысла мотаться домой. Все условия на месте. Обед, сон, редкий массаж. Утро –

⁴⁴ Траверс – горизонтальное перемещение по рельефу.

⁴⁵ Топ – в скалолазании вершина при лазании на трудность.

техника. Вечер – физика. Может – но редко, не чаще раза в неделю – и наоборот. Возможно, и что-то одно весь день. Но это еще реже. Раз в две недели. Всего пять-шесть часов в день. Итого до 25—30 часов в неделю. При обычной норме в 15—20. Именно это соотношение у простых смертных называется дар Божий. Талант, каких свет не видел. При этом Чарли далека от мысли приписывать свои успехи исключительно тренировкам. Большинству ее 30 часов не помогут стать лучше, скорее убьют. И даже если кто-то их выдержит – были попытки – откуда он возьмет ее голову? Ее способность «читать» рельеф с первого взгляда, отключать страх, никак не реагировать на зрителя и финальную ответственность. Десятки девочек в этой стране мощнее и выше ее. Чарли и не снились те вещи, которые они творят на кампусборде⁴⁶ и кольцах. Но на стене их удел – видеть ее пятки. На параллельных трассах по трудности некоторые к топу Чарли едва успевают начать. На короткие боулдеры на местном уровне она не тратит больше минуты и проходит их всегда с первого раза. Постановщики рады бы увеличить сложность.

– Но что делать всем остальным? Умирать на первом же движении? – справедливо вопрошают они.

На мировом уровне все сложнее. Там Ashima. Да и прочих нельзя уж совсем сбрасывать со счетов. Чарли порой не хватает именно физики. «Прочитать» трассу мало. Нужна элементарная сила, чтобы исполнить. Отсюда акценты этого года. Специальная физическая подготовка. Отсюда боль. Она была и раньше. Но в этот год она, кажется, достигает своего предела.

Итак, по приходу в зал скакалка, чтобы разогнать кровь и пульс. Растяжка. От шеи и верхних конечностей до пяток. Последовательно. По паре движений на каждый сустав и прилегающие связки. В завершении разминки пять коротких и легких боулдеров. И вперед на кампусборд. Будь он проклят. Плакат Гюллиха⁴⁷ как икона в царском углу ее комнаты. Но в эти часы Чарли не поминает его добрым словом. Он создал пытку. Он палач. Его нельзя осуждать или благодарить. Палача можно только простить.

Как и почти всегда, Чарли первая в зале. На ресепшене сонная девочка в очках. Она не в счет. Тупо продавец. Чарли кивает ей. Не больше. Знакомиться ближе совсем необязательно. Ключ у Чарли свой. И от зала, и от шкафчика в раздевалке. Они еще увидятся сегодня два раза. После обеда очкастая сделает Чарли фреш. Уходя, Чарли кивнет ей, как утром, не читая бейджик.

В прихожей, в зоне отдыха ничего не меняется с вечера. Подушки на размочаленных диванах, журналы на прозрачных столиках, кажется, в том же положении. Только мешок для стаканчиков рядом с кулером новый. Знак того, что уборка ночью все-таки была. В чем кроме этого она заключается, Чарли не понимает. Пыль та же и там же. Обычные дела для скалодрома. Убирай не убирай – магнезия будто с рельефа сыплется. Ее принципиально невозможно убрать. Как песок в пустыне.

Воздух, наполненный пылью, для Чарли обычен. Он с нею везде. Даже за городом. В часы, свободные от лазания, даже на вымытых ладонях она чувствует приятную сухость, то же ощущение в носу и горле. Знак того, что все в порядке. Обратное: сырость – болезнь. Цепочка, не имеющая исключений.

В раздевалке приятно одиноко. Днем не протолкнуться. Спать приходится на диване в зоне отдыха. Или того хуже, на дальних матах под восьмой стенкой. Не так уж плохо. Но в раздевалке самые удобные, твердокаменные скамейки. Ложиться на них больно, но именно с них встаешь растянутым, а не сжатым в клубок. Вынести скамейку не получится. Какой-то чудак

⁴⁶ Кампусборд – фанерная доска, прибитая под углом наклона от 12,5° до 20°. На нее через равные промежутки набиты тонкие деревянные планки. Используется для тренировки пальцев.

⁴⁷ Вольфганг Гюллих (1960—1992) – немецкий скалолаз. Первым в мире пролез 8b, 8b+, 8c и 9a. Создал кампусборд.

при строительстве клуба намертво бетонирует их в пол. Такое странное противоугонное устройство.

Обряда переодевания – нет. Выбор одежды хаотичен. Все сложенное будет использовано. И неважно, в каком сочетании и в какой последовательности. Начнут сегодня желтая майка и черные треники. Брюки, может, останутся на весь день. Лишь на кампусборде их сменят белые шорты. А вот маек уйдет до трех. Чарли терпеть не может сырой одежды. Она меняет майку, как только на ней появляются пятна пота. Вопрос комфорта, а не мнения окружающих. Майка, подсохнув, снова идет в дело. Куколки, не покидающие фитнес-зону, не могут понять Чарли. Их благоухающие, даже спустя час тренировки, лосины и топики бесят Чарли. Она проходит сквозь этих девочек, стараясь не дышать. Их ароматы сбивают ее с толку. Все в них против необходимой ей максимальной концентрации. Благо раннее утро не для таких персонажей и нет потребности задерживать дыхание.

Чарли не спеша разминается. По окончании разминки сменяет майку и треники. На кампусборд она пойдет в белом. Китайский траур. Готовность к любым жертвам. Сродни покорности судьбе.

В следующие два часа зал постепенно заполняется. Но Чарли уже нет до этого дела. Она выпадает из реальности. Мыслей нет. Есть время и заданное количество повторений. Принцип самосохранения марафонца. Меньше думаешь – быть может, останешься жив.

Итак, висы на фингерборде⁴⁸. В три. В два. В один палец. В две руки. В одну. Затем бесконечные планки кампусборда. Подъемы-спуски вверх и вниз. Прыжки через одну. Через две. Далее – максимально длинные движения. Перехваты и дохваты. Отдых по секундомеру. Минута. И не секундой больше. На заминку⁴⁹ висы на булках – больших пассивных зацепках. Убитые в синяки пальцы чуть выпрямляются и отдыхают. Отсчитав про себя положенные секунды, Чарли падает на крэшпэд и с минуту лежит в полузабытьи. Реальность возвращается к ней ароматами полуденной фитнес-группы. Она морщится, преодолевая себя, встает и, заметно пошатываясь, идет в раздевалку.

Мамины йогурты возвращают Чарли к жизни. Главное – не выпить все сразу. Половина сейчас. Другая после вечерней тренировки. Первым в ход пойдут с малиной и персиком. Крохи овсяных хлопьев. Зародыши пшеницы. Нормированная диетой сладость. Мама – невеликий спортсмен. Призер страны. Третий номер сборной когда-то. Два сезона. Не более. Теперь врач сборной. Диетология – ее конек. Одна Чарли давно бы запуталась во всех этих килокалориях.

Добив йогурт, можно идти спать. Ближайший к зоне фитнеса диван пока вроде бы свободен от теоретиков с буками и обнимающихся парочек. Но нужно спешить. Трафик на скалодроме где-то с полудня напоминает пешеходную зону в центре города. Тем более сегодня пятница. А пятница работает и здесь. Люди по-разному уходят от будней. Кто-то напивается и падает. Кто-то пыхтит и поднимается. Цель – забыться – в обоих случаях одна. Средства, однако, совершенно разные.

Чарли забирает из шкафчика плед. Размещается на диване. Он четко в ее рост. Как мерку снимали. Чарли ставит таймер на два часа. Убрав смартфон под подушку, натягивает плед до подбородка, закрывает глаза и спустя несколько секунд, проваливается в сон, выходит из которого за пять минут до сигнала.

На этот раз Чарли будят не пальцы – лицо горит. Причина не очень понятна. Она достает смартфон из-под подушки и убирает таймер. Все прочее днем – табу. Никаких звонков и сообщений. Их время – утро и вечер. Что до лица, то это остатки кампусборда. Случалось и раньше.

⁴⁸ Фингерборд – разновидность кампусборда.

⁴⁹ Заминка – завершающая часть тренировки.

«Не от этого же уroda в метро? Четыре пальца. Ахахах...» – успокаивает себя Чарли. Лежит оставшиеся пять минут, встает, аккуратно сворачивает плед и идет на вторую встречу с очкастой на ресепшене.

Забрав фреш, Чарли возвращается на диван. Садится по-турецки. Осматривает зал. Все как всегда. Дневная суета.

Младшая группа ходит траверсы по соседству. Задерганные инструкторы. Восторженные мамочки. Пара скучающих отцов с пивными животиками.

На средних боулдерах юношеская сборная города. С ними Чарли когда-то давно вместе начинала. Как эти малыши. Теперь она на взрослых, и они почти не общаются.

На кампусах и фингерах, судя по движениям, какие-то любители.

«Кто их туда пустил? Поломают-растянут себе все. Пойдет „сарафан“ по городу гулять», – сокрушается Чарли. Но ничего не предпринимает. Есть инструкторы. Техника безопасности – их дело.

«Только где они все?»

Чарли подвигается к краю дивана и после недолгих поисков обнаруживает дежурных – Юрыч и Иришка – на дальней от нее стенке. В самом углу. Как прячутся. Устанавливают какой-то новый боулдер. Трудность – навскидку – на 7с. Но это пока. Могут и до 8 добить на завершающих движениях.

«Для кого эта трасса? Не для меня ли? Вряд ли».

У нее же силовой день сегодня. Но отец может все и переиграть. Водится за ним такая импровизация. Вдруг сдернуть с колец и бросить на экстремалку. Еще толпу нагнать со всего зала. Соревновательный эффект, говорит. Условия, приближенные к боевым.

«Точно мое», – понимает Чарли фиксируя две заключительные зацепки, вкрученные Юрычем. Еще раз пробегает глазами трассу. Восьмера как она есть. Из присутствующих такую трудность лезет только она. Все на мизерах и карманах⁵⁰. Одна единственная булка. И та – дино. Из серии: хрен допрыгнешь. А допрыгнешь – не удержишься.

«Может, кто залетный наведается?»

Редко, но бывает такая блажь у кого-то из звезд. Чарли из них. Но своя. И дело верно обстоит так:

– Давай, Ириныч, вкрутим Чарли проблемку, пока она дрыхнет. Папашка ее звонил. Хочет дочуре сюрпрайз подарить на заминку.

– И скока крутить? 7 к 8?

– А то. Это ж Чарли. Наши шестеры она с завязанными гляделами пролезет.

– Не бережет папик Чарли. Ее после колец выносить можно. А тут восьмера в конце дня. Это ж не камеди, Юрыч. Поломаться в раз.

– Не наши дела, Ириныч. У гениев свои черви в башках...

Чарли допивает фреш и встает с дивана. Нарочито медленно и не глядя в сторону Юрыча и Иришки, перемещается в раздевалку. Маршрут уже проложен Чарли в голове. Но это не отменяет его сложности. Пусть будет якобы сюрприз. Она в конце концов не виновата, что заметила установщиков.

Чарли меняет шорты на треники. Белую майку на синюю. До прихода отца минут десять. Можно пока растянуться. Он сам не любит тратить время на эти мелочи. Она должна быть разогрета к его приходу.

Силовая работа – то еще удовольствие. Главное – нудятина. Ни подъема. Ни спуска. Монотонные до отупения движения. Мышца воеет сейчас. Результат – через месяц. Да и он не так очевиден. Мышечный корсет существует как бы сам по себе. Но без него никуда. И он

⁵⁰ Мизер – в скалолазании, очень маленькая зацепка, на одну-две фаланги пальцев. Карман – в скалолазании, зацепка в виде кармашка под 2—3 фаланги пальцев.

требует постоянного внимания. Вон, как эти детишки: чуть отвлекся и беда – лови меня, господин крэшпэд!

Чарли садится на матах напротив входа. Тянет плечи и шею, соединяя руки за спиной. Затем складывается книжкой лицом в колени. Опять плечи. Второй раз «книжка». В завершении полушпагат. Поперек и вдоль.

Отец входит на поперечном. Приветствует чемпионской улыбкой и большим пальцем. У Чарли нередко спрашивают, где он берет эти свои желтые парки. Она не знает. Но сколько себя помнит, отец всегда ходит в них. На входе в мужскую раздевалку он обнимается с Юрычем, который согласно кивает ему в ответ на вопрос – как, мол? И говорит – Чарли читает по губам – «восемь».

«Спрятали, блин... Ага...» – ухмыляется про себя Чарли.

Встает и идет в сторону колец. Отец переодевается быстро. Скидывает парку и меняет обувь. Пара минут и вперед, бодхисаттва, вперед! Пиши «жизнь – сука!» и умирай прямо здесь и сейчас.

Два часа на кольцах, перекладине и шарах. Отдых между подходами тридцать секунд. Многие, видевшие эти тренировки, отказываются верить, что их ведет отец спортсменки. Со стороны они напоминают экзекуцию, хотя и не лишены творческих изысков. Фантазия отца неистощима. Всевозможные виды хватов и расположений рук в последовательности, ясной только ему. Все движения предельно медленны и доводятся с фанатичным упорством до совершенства. Сегодня особое внимание шарам. Подтягивания и висы на них занимают весь второй час. Хват снизу остается на десерт. К тому моменту Чарли слегка потряхивает, но она выдерживает положенные секунды, прежде чем без сил упасть. Чарли отдыхает на резине фитнес-зоны две минуты. Тренер сегодня неслыханно добр. После чего отец касается ее плеча. Она поворачивает голову и открывает глаза. Так и есть, не зря сугались Юрыч с Иришкой:

– Тапки надень. Есть проблемка. Мелочь. Но приятная. Замнемся.

К тому моменту слух о восьмерке для Чарли уже разнесся по залу. Люди толпятся рядом с боулдером. Есть и те, кто пытается подняться. Самые удачливые срываются уже на третьем движении. Упавшие предполагают, что трудность – все девять. С ними не соглашаются. Но не очень активно. Этого нельзя исключать.

В раздевалке Чарли порывистыми движениями снимает кеды и носки. Скальники берет не глядя. Те, что сверху. Можно повыпендриваться и потянуть время. Но Чарли хорошо знает, чего никогда не успеть сделать перед смертью.

«Так что фигасе выгадывать, подруга? Встала и пошла!» – внутренней плеткой подгоняет себя она и возвращается в фитнес-зону. Спрашивает у отца:

– Куда?

Тот смотрит на Юрыча. Он указывает на собравшуюся толпу.

К рельефу отец подходит первым. С минуту оценивает композицию и шлет авторам жест «большой палец». Чарли, сидя за его спиной, натягивает скальники. На боулдер ни взгляда. Она просчитывает маршрут на подходе. Предварительный расчет верен. Нечего выдумывать. Хватило бы сил. И надо бы с первого раза. С каждым следующим шансы тают. Трасса силовая. Мужская. Есть что-то от Action Directe⁵¹. Юрыч, как и она, к несчастью, болен паном Гюллихом.

У стенки Чарли для порядка читает трассу руками. Для нее это пантомима без содержания. Если маршрут уже есть в голове, зачем что-то изображать. Но публика любит ритуалы, и их нужно соблюсти. Чарли берется за нижние зацепки и смотрит вверх. Топ в пяти метрах. Как это близко по горизонтали и как же далека вертикаль...

⁵¹ Action Directe – скалолазный маршрут трудности 9a.

Запись, сделанная Иришкой, прокручивается десятки раз. Отца не интересует подъем. Он показывает Чарли в первой попытке. Она срывается не на дино. Это было бы простительно. Она падает с верхних мизеров. На одном движении до топа. Все от того, что убивает руки на первых двух. Их нужно не идти и не висеть тем более, в каком-то философском раздумье, а пробегать. Пальцы еще вынесли дино, но умерли к самому топу. Пришлось грести заново. Все обходится. На каком чутье она на второй попытке буквально залетает на третью зацепку. Дальше по накатанной. Отец выключает запись. Ее дино, от которого у всех захватывает дух, его нисколько не удивляет. Победа скучна и наивна. Внимания достойно только поражение.

Чарли кивает, соглашаясь со всем. Отец прав. Он единственный, кому она не смеет возражать. Она даже поедет домой на такси, как он хочет. У него еще одна тренировка в зале по соседству. Она безуспешно просится вместе с ним. Но его «нет» всегда в квадрате. Оно не предполагает возражений. Отец уйдет один. Они давно не приходят домой вместе. И непонятно, то ли она уже такая взрослая или он банально слишком занят. И то, и другое, и третье. Отец твердит в этот год как мантру одно и то же.

– Ты – соло. Тебе никто не нужен.

Он накидывает парку.

– Ты всегда будешь одна.

Застегивает молнию до самого верха.

– Как и сейчас.

Вдруг спрашивает:

– На завтра нашла кого?

– Да, – привирает Чарли. Возможно, ведь, что и нашла. Она еще не проверяла дневные сообщения.

– Что за чел?

Типично для отца – все эти карьерные сопровождающие для него какие-то полчеловечка без имени.

– Ты его не знаешь, – отстраняется Чарли.

В подробностях нет смысла. Тем более когда их нет. Интерес отца и так исчерпан. Он уходит без «чмоков» и даже «бай-бай» ладонью. Они увидятся за завтраком. Не раньше. Но и тогда он не обнимет ее, как прежде.

Чарли дремлет полчаса, – нет сил подняться, – и заказывает такси. Не вовремя – час пик. Метро быстрее. Но в приказе отца главное не ее усталость, а события утра. Возможно, в метро ее так же не пустят и завтра. Такое уже было. Теракты случаются. Впрочем, завтра бассейн в шаговой доступности и вечерняя пробежка. Метро итак не предполагалось. В воскресенье, если она поедет за город, мама точно отправит ее на такси. Самое время поверить пост на стене. По распорядку уже можно вернуться в Сеть. Пусто. Только лайки. Без компаньона.

«Человеки! Что с вами со всеми случилось? Всех не пускают в метро?»

Панель фиксирует три письма. Чарли решает посмотреть их в такси. Душ в клубе – мини-вариант домашнего. Только по причине поездки в транспорте. Чтобы не морщили носы и не пялились. Зато пялятся клубные девочки, оказавшиеся в этот момент с ней в душе. Ищут в ее теле ответы на вопросы. А оно не хуже и не лучше остальных. Мозг всегда в приоритете. Его не видно. Но он решает всё.

Уже на выходе Чарли допивает йогурт. Сразу обе бутылочки. Они будто падают и растворяются в ней. И вроде бы все понятно. Вишня и черная смородина. Все те же хлопья и зародыши. Но есть нюанс во вкусе – и он хоть убей не ясен.

«А что если? Да нет... Киви? Не может быть. Да точно».

Боясь в который раз ошибиться, Чарли, уже сидя в такси, некоторое время ищет варианты. Так и не разгадав мамино рецепта, открывает письма.

Две рекламы. Старая рассылка с беседками и оттяжками. Не могут ничего нового придумать, лузеры. Дорога в спам навечно. Третье – приглашение. Приходит еще днем. Электронный билет прилагается. Концерт. Завтра. В соборе. Что-то пасхальное.

«Что за фигня?»

Чарли читает программку. Опять горит лицо. Должно уже вроде остыть.

«Ничоси!»

Чарли передергивает. Отправитель – тот, выражаясь по-папиному, Чел из метро. Да, он – певец. Тенор. Солист. Три номера за вечер. Все вроде как на иностранном. Куча непонятных слов. Ясна только Ave Maria. Да и то, как сказать ясно... Прочитано...

«Как он узнал адрес? Успел сфоткать гляделами? Этот Чел прям удивляет...»

Чарли нервно хмыкает, но вдруг понимает, что приглашение не имеет никакого значения. Концерт в шесть. По расписанию в это время у нее вечерняя пробежка. Примерно середина пути. И точка. Лицо горит.

«Да, ну на фиг! Забыла! Забыла...»

В лифте Чарли едва не засыпает. Тыкается лбом в зеркало. Прохлада стекла приводит ее в чувство. Но ненадолго. Она успевает доесть пасту с морепродуктами, прежде чем уснуть прямо за столом. Братья относят ее в комнату. Мама раздевает и укрывает одеялом. На Чарли остаются шапочка и снуд. Чарли или сама снимает их, или не снимает, как сегодня, вовсе.

Пальцы не различают выходных и будней. Они срабатывают с точностью швейцарских ходиков. Будильник, который Чарли не в силах отменить. Суббота тем не менее день особый. Нет лазания. Плавание в первой половине дня и бег во второй. Зимой только плавание. Бег часто переносится на воскресенье. Но завтра карьер. Возможно... Там, пусть и за городом, жаль терять время на что-то другое, кроме скал.

Бассейн в полчаса ходьбы. Обычно Чарли ходит туда пешком. Сегодня и подавно. Мама категорически запрещает спускаться к метро. Чарли, по правде сказать, и самой становится неуютно, когда она проходит мимо ближайшей к дому станции. Но люди входят и выходят как обычно. Ни страха, ни сомнений. Большой город съедает все. Слишком много и многих нужно убить, чтобы мегаполис хоть что-то заметил.

С Чарли легкая сумка. В обычном рюкзаке нет смысла. Купальник и шапочка почти ничего не весят. Вес – это йогурты. Сегодня их три. Сигнал – на улице заметно потеплело. С киви вчера Чарли не ошиблась. Сегодня новая загадка. Чарли уже делает ставки. В фаворитах пока тыква. Она замечает ее на подоконнике среди цветов. Но там же лежат и бурак, и репа. Овощное рагу.

«Ничоси помесь!»

В бассейне Чарли без рывков и ускорений, но и не останавливаясь преодолевает установленные полтора километра. Задача не только подышать, но и растянуться как следует. Неприязнь к воде блокируется необходимостью – ничего лучше плавания не восстанавливает и не расслабляет мышцы – но, конечно, не уходит совсем. Чарли выбирается из воды как только, так сразу. Нежиться в ней просто так – не ее. В раздевалке она не идет под душ как все.

«Из воды под воду? Да че я, идиотка?»

Спрятавшись за дверью шкафчика Чарли меняет шапочку для плавания на обычную. Снуд не снимается и в бассейне. Он причина ее долгого ожидания. Надо сидеть в фойе, пока он не высохнет. Одного случая хватает, чтобы это понять. Шею заклинивает на неделю. Она пропускает этап мирового кубка, а вместе с ним и призовое место. Такова цена нетерпения, попытки сэкономить пятнадцать минут.

Чарли размещается в фойе. Накидывает капюшон толстовки. Не лишняя страховка. Сквозняки в бассейне почище скалодрома. В который раз проверяет пост. В который раз безрезультатно. Смягчает неудачу тыква в первой же бутылочке. Бурак во второй воспринимается

уже как должное. Репы в третьей не обнаруживаются. Обычная фруктовая смесь. В основном апельсины вперемешку с яблоками.

«Живи, йогурт, живи. Репа пока не пришла. Тебя, белая тварь, помиловали».

Чарли возвращается тем же маршрутом. Мамы в кои-то веки нет дома. Без объяснений и предупреждений. Дела обычные. Кто в этой семье кому-то что-то объясняет?

Обед на столе. Печеный картофель с курицей. Только разогреть. Дневной сон в выходные не обязанность. Можно просто лежать. Как пойдет. Чарли размещается на диванчике в кухонной лоджии. Греться на солнышке, без какой-либо надежды проверяет пост. Но тем не менее расстраивается от полного молчания. На каком-то автомате жмет на сообщения. Натывается на присланный вчера билет. Краснеет как помидор. В гневе уходит со страницы. Бросает смартфон. В бессилии что-либо изменить бьет себя по щекам. Тот еще эффект. Еще больше зарделась.

«Да что такое?»

Вопрос остается без ответа. Чарли отворачивается от солнца к стене и пытается заснуть. Но сну, как и щекам, не прикажешь. Один не приходит, вторые не желают менять вдруг избранный ими цвет. Помыкавшись несколько минут, Чарли берет темные очки с подоконника, садится по-турецки лицом к солнцу. Так себе попытка убрать жар с лица. Даром, что причина его не тренировка.

«Да фиг его знает, какая у него причина. Ну, ни этот же Чел?..»

Чарли снимает очки и падает на кровать. Включает ютьюб. Ashima, говорят, помешана на Крисе Шарме. У Чарли свои приоритеты. Она заказывает фрисоло. Ставит плейлист. Лучший способ забыть всех и вся, здесь и сейчас. И сегодня он поначалу работает. Хубер с Хоннольдом мало-помалу затягивают Чарли на высоту. Поттер в который раз бесит своим безразличным величием. Безумная Стэф с парашютом за спиной, заклинивающая на бесконечной трещине, казалось бы окончательно лишает щеки пурпура. Но все рубит африканская «безбашка» Дестивель⁵². Там местные, иссиня-черные в первобытном экстазе танцуют и поют.

– Поют!

Щеки охвачены пламенем. Чарли выключает ютьюб и укрывается одеялом с головой.

Спустя три часа полусна Чарли выходит на пробежку. Маршрут построен заранее. Километраж не так принципиален, как в бассейне. Имеет значение время. Надо хорошо прогнать кровь и протрясти мышцы. Максимально убрать статику, накопившуюся за неделю. Маршрут выстроен отцом. Каждую неделю разный. Учитываются все мелочи. Переходы, светофоры, подземки. Отец присылает маршрут накануне в виде карты-навигатора. Ради интереса Чарли не изучает его заранее, предпочитая ориентироваться по ходу движения.

Бег приносит Чарли какое-то особое удовольствие. Быть может, потому, что он лишен финального топа. В нем процесс важнее результата. Конечная точка – начало. Без падения вниз. Ни победы, ни поражения. Простое возвращение домой. Разве что по очень неровному кругу.

Чарли не знает, бегают ли сам отец придуманными им маршрутами. Скорее да, чем нет. Не такой уж он и знаток города, чтобы составлять маршрут виртуально или по памяти. И каждый раз она не может отделаться от ощущения, что отец бежит вместе с ней. Не впереди зайцем и не сзади хвостом, но рядом бок о бок, как партнер по тренировке. Подобное чувство возникает у нее еще и на некоторых особенно сложных трассах. Поднимаясь, она только повторяет

⁵² Крис Шарма (род. 23 апреля 1981 года) – американский скалолаз, специализирующийся на прохождении сложных (9а и выше) скальных маршрутов. Первым в мире пролез 9а+. Алекс Хубер (род. 30 декабря 1968) – немецкий соло-скалолаз. Алекс Хоннольд (род. 17 августа 1985 года) – американский соло-скалолаз. Дин Поттер (1972—2015) – американский соло-скалолаз, альпинист, BASE-джампер. Стэф Дэвис (род. 4 ноября 1973 года) – американская соло-скалолазка, виндсьютер и BASE-джампер. Катрин Дестивель (род. 24 июля 1960 года) – французская скалолазка, известная прежде всего своими соло-восхождениями.

за отцом его движения. Он исчезает на топе, никогда не деля с ней победу. Но всякий раз оказывается рядом, если она срывается, чтобы начать восхождение снова.

Сегодняшний маршрут в первом части повторяет предыдущий. Длинная и почти бесконечная набережная. Все лучше шоссе и проспектов. Благо мост единственный. Отец, понятно, в курсе всех фобий Чарли. И он относится к ним вполне серьезно. От моста два пути. Сегодня иной. Чарли понимает это метров за сто. В ту сторону она бежит по осени. Старый город. Кривые переулки. Узкие улицы. Куда только не заносит отца! Вообще он «любитель древности». Его скальные туфли сверху – ровесники Чарли. И только их подошва умирает ежегодно. У метро Чарли спускается в подземный переход, уходит влево и, оставив по правую руку зоопарк, вбегает на старинную улочку с односторонним движением. Именно здесь – она впервые. Благородное старье вперемежку с быдловатым новостроем. Что-то заброшено. Что-то реставрируется. Кафе и магазинчики на первых этажах. Трафик что пеший, что автомобильный – нулевой. Контор почти нет. Этакий «спальник» в историческом центре. На перекрестке стройка. Похоже на торговый центр. Нет, надо же – Чарли читает плакат для жителей – какой-то универ. От него налево. Метров пятьдесят. И сразу направо. Чарли вспоминает – здесь она уже была. По осени. Лужи. Жирные к зиме вороны. Джемшуты угрюмо сгребают листву. Но сейчас, в апреле, гложет еще что-то. Спустил тридцать беспокойных шагов она вдруг понимает, что именно. На левой стороне улицы собор. Красного кирпича, высокий, тонкостенный, почти невесомый, словно перманентно взлетающий. Чарли останавливается и неконтролируемо, в тон собору густо, краснеет. Концерт у Чела из метро здесь, и он уже идет.

Чарли берет себя в руки и бежит дальше. Нельзя прерывать пробежку. Даже на светофорах надо бежать на месте. В противном случае эффект от занятия снижается в разы. Но уже через десяток шагов Чарли замирает снова. Предательское: «Билет в телефоне. Можно зайти...» – останавливает ее.

«Зачем? Тебе-то зачем?» – сомневается Чарли, но не двигается с места. Продолжая ругать себя на чем свет стоит, она перебегает улицу и застывает у кованых ворот. Нищая старушка с кружкой у калитки. У ее ног бомж на корточках. Сегодняшняя газета с набросанной мелочью. Чарли, крадучись, входит на территорию. Двор пуст. До конца не понимая, зачем это делает, Чарли подходит к лестнице и останавливается. Смотрит вверх. Входная дверь. До нее стандартные пять метров. Но на этот раз нет проблемы. Уклон – какие-то 30 градусов. Разминка для ног в скалах. Руки за спину.

«Какая дурь, какая дурь!»

Чарли разворачивается и отбегает к воротам. Около калитки останавливается и бежит назад. Влетает по ступеням и хватается за ручку двери. С минуту не может решиться открыть дверь. В конце концов входит и тут же зажмуривается от неожиданно яркого света. Открыв глаза, Чарли осматривает притвор, понятия не имея, что делать дальше. Наткнувшись на спасительную табличку «Касса», со стрелкой, ведущей в цоколь, она ловит на себе удивленный взгляд билетера.

«Что его не устраивает? – недоумевает Чарли спускаясь. – Опоздание? Одежда? И то и другое», – находит Чарли нехитрый ответ.

На кассе похожим взглядом встречает Чарли девушка с бейджиком «Алина». Чарли без объяснений показывает ей билет в телефоне, получая в ответ натренированную улыбку:

– Не успели распечатать? Не беда. Только сверить номер. Правда, концерт вот уже полчаса как начался. Все равно пойдете?

Чарли кивает и спустя минуту получает билет, который почему-то назван благотворительным взносом. Ощувив на щеках недоумевающий взгляд Алины, Чарли поднимается в притвор, чтобы окончательно сбить с толку билетера. Он, не скрывая скепсиса, оглядывает спортивный костюм Чарли. Дресс-код в соборе строгий. Формально Чарли можно не пускать. Даже

в притвор. Но девочка торопилась, да и выглядит как-то измученно. Бежала. Боялась опоздать... и опоздала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.